

А. СТОЛЯРОВ

СУБЪЕКТИВИЗМ
МЕХАНИСТОВ

И

ПРОБЛЕМА
КАЧЕСТВА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

А. СТОЛЯРОВ

$\frac{1}{С 81}$

СУБЪЕКТИВИЗМ
МЕХАНИСТОВ
И
ПРОБЛЕМА
КАЧЕСТВА

2-е издание.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКВА

1929

ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Неудачи популяризатора	9
Субъективизм и марксизм	
1. Современный ревизионизм и т. Сарабьянов . .	42
2. Субъективизм и материализм	48
Философия «качества» и качество философии некоторых механистов	
1. «Качество» в системе категорий	84
2. «Качество как таковое»	94
3. Качество, отношение и свойство	107
4. Развертывание моментов «меры» у Гегеля и теория стоимости Маркса	124
5. Методологическое значение категории «качества»	152
6. Механический материализм и категория «качества»	173
7. Итоги «сарабьяновского вопроса»	189

14-я тип. „Мосполиграф“ Варгунихина гора, 8. Зак. № 2181.

Мосгублит № 43.036.

Москва 1929.

Тираж 6.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение последних лет вопросы философской дискуссии стоят в порядке дня теоретической и просветительной работы коммунистов. Несколько лет назад новое ревизионистское течение, пересматривающее некоторые основные положения марксизма, подняло оружие критики не против буржуазной науки, а против философии марксизма. Могли ли марксисты не принять вызова? Они его приняли и не сложат оружия до тех пор, пока ревизионизм будет претендовать на какое бы то ни было влияние.

Вопрос стоит так: будем ли мы уступать обволакиванию мелкобуржуазного болота обывательского эмпиризма, мелкобуржуазного субъективизма, будем ли мы, коммунисты, плестись в хвосте «механистического мировоззрения» современной буржуазной науки или же мы твердо, ни на градус ни склоняя перед идеологическим напором классового врага, пронесем сквозь все испытания подлинное теоретическое знамя марксизма, знамя диалектического материализма.

Разумеется в этой области не может быть места никаким компромиссам.

Настоящая брошюра целиком направлена против современного философского ревизионизма в марксизме. Она состоит из статей, печатавшихся в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 10—11 за 1925 г. и №№ 1—2, 6 и 7—8 за 1926 г.) и связанных между собой одной общей темой. Статьи эти имели своей ближайшей задачей разоблачить антидиалектическую и антиматериалистическую позицию одного из современных «механистов», т. Сарабьянова, который тогда еще не признавал и не сознавал своего родства с механистами. В те времена т. Сарабьянов еще имел мужество выступать против искажения Энгельса механистами и против субъективистского отрицания «качества» со стороны Л. И. Аксельрод. Теперь уже не то: о своей принадлежности к лагерю механистов т. Сарабьянов пишет открыто и без оговорок.

Однако судьба В. Сарабьянова интересна в данном случае только в той мере, в какой она связана с судьбой механистов вообще. В такой же мере и разоблачение теоретического ревизионизма В. Сарабьянова сохраняет свой интерес, как разоблачение одного из крыльев современного «механистического лагеря». В этом смысле печатающиеся в настоящей брошюре статьи по сей день полностью сохранили свое значение.

Статьи эти не претендуют, разумеется на то, чтобы охватить все вопросы, выдвигаемые нашими философскими спорами. Они ставят, главным образом, две взаимно-связанные проблемы: вопрос о категории «качества» в понимании марксизма и в понимании механистов и вопрос о субъективизме, вытекающем из «механистической» трактовки «качества».

Вопрос о «качестве» является в некотором роде «центральный» вопросом в споре с механистами. Он связан с целым кругом других вопросов философской дискуссии: с вопросом о «сводимости» сложных явлений к простым, с вопросом об эволюционном или диалектическом понимании развития, с вопросом об абстрактном (подлинно схоластическая «материя как таковая») или конкретном понимании материи и движения и т. д. Выяснению значения и содержания категории «качества» и смежных понятий («свойство», «мера», как единство количества и качества и т. д.) посвящена главным образом, третья из помещаемых здесь статей.

Что касается субъективизма, то элементы его неизбежно привносятся в мировоззрение механистов их отрицанием объективности так называемых «вторичных качеств». Своеобразная «заслуга» т. Сарабьянова заключается в том, что он более последовательно, чем кто-либо из механистов, развернул программу субъективизма и тем самым

на примере своих философических блужданий наглядно демонстрировал, каким путем замена диалектики «механикой» в перспективе неизбежно влечет за собой «спуск на тормозах» от материализма к субъективному идеализму в форме той или иной его махистской разновидности.

«Удобство» сарабьяновского субъективизма заключается также в том, что его «социальная база» вскрывается крайне легко, обнажая тем самым чуждые пролетариату классовые источники ревизионистской установки всего лагеря механистов в целом. «Активный релятивизм» и субъективизм В. Сарабьянова, не желающий считаться с объективными историческими законами и провозглашающий «множественность истины», прямо по существу подменяет марксизм мелкобуржуазной «революционностью». Принимать — как это делает В. Сарабьянов — архибуржуазный моральный и теоретический анархизм за «последнее слово» революционности — как это старо, «какой это — выражаясь словами Ленина — старый, давно знакомый хлам»!

Пусть не посетует т. Сарабьянов и его «механистические» друзья, если мы прямо скажем, что, независимо от настроений и намерений самих апологетов теоретического субъективизма и «активного релятивизма», крайним практическим коррелятом («восполнением») их теоретических позиций является «активный субъективизм» того

«воинствующего мещанина», «мещанина, героически настроенного, способного к нападению» (выражение Горького), которого в наше революционное время в условиях напа порождает мелкобуржуазная среда.

А. Столяров.

НЕУДАЧИ ПОПУЛЯРИЗАТОРА

I

Сколь ни практическая вещь революция, она связана с широким оживлением теоретической мысли, теоретических интересов. Десятки тысяч рабочих молодежи занимаются у нас сейчас изучением марксизма, его философских основ. Это вызывает подъем педагогического и литературного творчества.

При таком стремительном росте движения вширь естественно появление тут и там уклонов в сторону упрощенства. Если ошибки не будут исправляться, то самая стремительность движения, его широкий размах приведут к понижению теоретического уровня партийной мысли, искажению ее.

Можно ли, например, проходить мимо философских работ т. Сарабьянова? Нельзя, ибо т. Сарабьянов очень энергично работает в области пропаганды марксизма. За короткое время вышли четыре книги, в коих т. Сарабьянов говорит о философии марксизма. Книги эти следующие:

1) «Исторический материализм».

- 2) «Введение в диалектический материализм».
- 3) «Основное в едином научном мировоззрении-методе».

4) «Беседы о марксизме» (изд. «Безбожник»).

Уже то обстоятельство, что «Исторический материализм» т. Сарабьянова выдержал довольно большое количество изданий, говорит о широкой популярности нашего автора. Тов. Сарабьянов умеет поставить вопрос в простейшей форме, способной увлечь читателя; особенно, если последний — из числа только что приобщающейся к «тайнам» марксизма молодежи, на которую по большей части «ориентируется» т. Сарабьянов. Эти действительные достоинства т. Сарабьянова, как популяризатора, заставляют тем более внимательно отнестись к его книжкам со стороны их содержания.

Прежде всего приходится отметить, что «популярные очерки» т. Сарабьянова, выпускаемые МК, по мысли самого автора не только популяризируют марксизм, но и пытаются «уточнить наш марксистский метод» (см. Предисловие ко 2-му изданию «Исторического материализма»). «Я провожу свою мысль по вопросу о взаимодействии базиса и надстроек», — пишет т. Сарабьянов¹⁾. «Мне пришлось влить в слово

¹⁾ В. Сарабьянов, «Исторический материализм», изд. 7-е, 1925 г., стр. 20.

«техника» непривычно широкое содержание», пишет он. И т. д. ¹⁾).

Таким образом, мы видим, что т. Сарабьянов выступает в качестве «оригинального мыслителя». Это особенно подчеркивается им самим, когда он предлагает «свое» толкование категории «качества». Дело в том, видите ли, что до т. Сарабьянова в «марксистской литературе определения «качества» не существует». — «И Гегель, и Маркс с Энгельсом и Плеханов широко использовали категорию «качества» как метода, т. е. оружия изучения, но мало уделили внимания самому оружию». Так пишет т. Сарабьянов.

Также, например, «триада» была, по мнению т. Сарабьянова, не ясна Гегелю и Плеханову, так как им была неясна категория качества. «Если же принять «качество» в том толковании, какое мы ему дали выше, то ясно, что речь идет только...» и т. д. ²⁾).

Посмотрим же, что за открытия делает наш автор. При этом мы оставим в стороне главы о монизме, материализме и различных вопросах специально исторического материализма. Мы выделяем здесь только один важнейший вопрос, на котором и остановимся. Это — понимание т. Сарабьяновым марксистской диалектики.

¹⁾ Там же, стр. 11.

²⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином научном мировоззрении — методе, стр. 95 и 123.

II

Начнем с наиболее известного: переход количества в качество.

Здесь мы прежде всего узнаем от т. Сарабьянова, что «изменение качества возможно лишь в том случае, если отдельные его элементы будут развиваться или располагаться неодинаково». Например, «если бы крупная буржуазия, и пролетариат, и другие классы развивались во всех отношениях пропорционально, то оно (общество) оставалось бы капиталистическим»¹⁾. К счастью, дело обстоит не так. «Силы пролетариата количественно нарастают, силы буржуазии тоже растут, но не так быстро. Наступает какой-то момент, когда количество сил обоих классов одинаково. В этот момент наступает скачок, общество перестает жить старой жизнью, переживая какой-то кавардак, мутацию (так выражаются естественники), когда прекращаются производства, чиновники перестают регистрировать «входящие и исходящие», приостанавливается нормальное движение по улицам, вырастают баррикады, такают пулемёты, развеваются знамена»²⁾.

¹⁾ Т. е., если бы общество не развивалось, а только росло.—А. С.

²⁾ В. Сарабьянов, Исторический материализм, стр. 114. Подчеркнуто нами.—А. С.

Картинно! Но не странно ли это представление о революции и скачке? А, главное, не слишком ли уж все механически просто, как на весах? «Трепчат пулеметы, развеваются знамена»... «Немножко» в другом стиле говорит о подобных вещах Ленин:

«Люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок»... О том, что скачком учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории, и что скачки такого рода обнимают периоды лет по десять, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов»¹⁾.

На этом вопросе о понимании «скачка» вообще, и о понимании революции — в частности, подробно мы останавливаться не будем. Позволим себе только спросить, как можно в наше время писать следующие фразы: «Если говорить об обществе, то революция в нем мыслима только как очень кратковременный процесс»²⁾... Поистине, т. Сарабьянов совершенно прав, когда пишет в другой своей книжке, что «теперь, к сожалению, эти скачки изображаются так ненаучно, так вульгарно, очень по-кювьевистски»...

¹⁾ Н. Ленин, т. XV, стр. 222.

²⁾ В. Сарабьянов, Исторический материализм, 1925 г. стр. 115. Подчеркнуто нами. — А. С.

Итак, с пролетарским переворотом дело обстоит очень просто, простой арифметический расчет: достигнуто равновесие сил, сейчас же снова нарушающееся в пользу пролетариата, и баста. «И тот и другой класс растут... Но вот пролетариат дорастает до буржуазии (силы равны) и перерастает ее (пролетариат сильнее), в результате чего качество отношения противоречащих сил становится иным, новым качеством: пролетариат господствует, буржуазия подчиняется» ¹). Было: $\frac{Б}{П}$. Стало $\frac{П}{Б}$. Таковы обычные приморы т. Сарабьянова со «скачком». Было до коммунизма: природа верхом на обществе. Будет при коммунизме: общество верхом на природе и т. д. Эта чехарда и есть образ того, как наш автор понимает переход количества в качество вообще. В другой книжке он дает отчетливую формулировку этого понимания в его общей форме. Там читаем: «Отношение между противоречащими друг другу силами все время изменяется, а в результате господствующая сила или становится подчиненной, или превращается сама в какую-либо иную силу, или изменяет по существу противоречащую ей силу. В итоге получается то, что Гегель называл: количество переходит в качество» ²).

¹) В. Сарабьянов, Введение в диалектический материализм, стр. 20.

²) Там же, стр. 19.

Итак, дело ясно: переход количества в качество объясняется новой расстановкой сил, новым их количественным отношением.

Тов. Сарабьянов выдает это за марксову диалектику. В этом отношении «проницательнее» его был его предшественник по данному вопросу, А. Богданов, точно то же самое писавший, выступая против Энгельса и Маркса. Вот цитата из «Философии живого опыта», как две капли воды похожая на сарабьяновскую схему развития: «Если тот или иной процесс — движение тела, жизнь организма, развитие общества — определяется борьбой двух противоположных сил, то, пока преобладает количественно одна из них, хотя бы немного, — процесс идет в ее сторону, подчиняется ее направлению. Как только другая сила, возрастающая, наконец, сравнивается с нею, тотчас меняется весь характер процесса, его «качество».

При этом Богданов замечает, что Маркс и Энгельс потеряли возможность объяснить переход количества в качество таким простым и ясным образом потому, что вообще «упустили из виду реальный смысл диалектики»¹⁾.

Ниже мы еще увидим, насколько сходится в понимании Сарабьянова и в понимании Богданова этот «реальный смысл диалектики»...

¹⁾ А. Богданов, Философия живого опыта, Москва, 1920 г., стр. 193 и 194.

«От равновесия, через нарушающую его борьбу двух сил, к новому равновесию»,—так представляет себе диалектический процесс Богданов. «Говоря о скачках, как процессах нарушенного равновесия, нужно помнить»... и т. д.,—пишет т. Сарабьянов¹⁾. Близость позиции обоих авторов несомненна. В чем методологический смысл такой позиции? Прежде всего (но это еще не все) в том, что это по существу чисто количественная механическая (или «механистическая» то ж) точка зрения, что здесь нет качества, которое, количественно развиваясь, переходит в новое качество, а есть внешнее столкновение двух сил. Здесь нет «познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии» (Ленин).

В этой концепции активная роль остается только за количеством (притом необъяснимо-активная). Качество совершенно растворяется в количественных отношениях, будучи лишь их пассивным выразителем. Между тем в диалектике Гегеля—Маркса качество играет активную роль, «специфицируя» количественные отношения, т. е. определяя их на свой манер.

Конечно, у т. Сарабьянова можно тоже найти три строки насчет «обратного перехода» качества в количество. Но это не более как непоследовательность. Обычная история: автор приводит пару

¹⁾ В. Сарабьянов. Основное в едином и пр., стр. 113
Подчеркнуто нами.—А. С.

общеизвестных верных положений, а затем истолковывает какое-нибудь существенное положение излагаемого им учения таким образом, что сразу обнаруживается неясность для него самого того, о чем он говорит. И в данном случае т. Сарабьянов сам не понимает, что он целиком сводит качество к количеству, когда доказывает, подобно Богданову, что переход к новому качеству имеет своей реальной основой изменения в количественном отношении двух или нескольких сил.

К Сарабьянову целиком применимы слова Энгельса, сказанные последним по адресу Гегеля, который, «стоя на господствующей механической точке зрения, считает объясненными все качественные различия лишь тогда, когда они могут быть сведены к количественным различиям». Механическая концепция, пишет Энгельс, объясняет «все качественные различия из количественных и не замечает, что отношения между качеством и количеством взаимны»¹).

Характерно, что т. Сарабьянов, так много занимающийся вопросом о категории качества, считающий этот вопрос «кардинальнейшим в диалектике» и так часто клянувшийся именем Гегеля, ни разу не упоминает, что ведь по Гегелю (и вообще с точки зрения диалектики) «конкретная истина бытия» — это «мера», т. е. единство качества и количества. Это единство должно

¹) «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 145 и 149.

остаться непонятным с точки зрения Сарабьянова и потому им игнорируется.

То обстоятельство, что тов. Сарабьянов не понимает категории качества (и по существу ее устраняет), еще яснее из его непосредственных определений этой категории.

Постановка вопроса о качестве, говоря вообще, у т. Сарабьянова, прежде всего, схоластична.

Главное, чего он ищет, — это формальное, абстрактное определение «качества», которого он, к его огорчению, не нашел у Гегеля и марксистов в удовлетворяющем его виде¹⁾. Качество — это по преимуществу та «прекрасная незнакомка», которую тов. Сарабьянов усиленно преследовал в течение последних лет в своих философских работах. Но то, что он поймал в конце концов, оказалось лишь ее тенью.

III

В самом деле, как определяет качество тов. Сарабьянов?

В своем «Историческом материализме», в специальной главе: «Качество», т. Сарабьянов дает

¹⁾ «И Гегель, и Маркс с Энгельсом, и Плеханов широко использовали категорию «качества», как метода, т. е. оружия изучения, но мало уделили внимания самому оружию. Это относится не только к таким категориям, как качество и количество, но и к диалектике в целом» (В. Сарабьянов. Основное в едином и пр., стр. 95).

Выручайте, т. Сарабьянов, — на вас вся надежда!

такое определение: «Качество есть отношение совокупности свойств данной вещи, данного явления к совокупности свойств другой вещи, другого явления» (по 7-му изданию, стр. 159. Курсив наш.—А. С.). Подобное же определение повторяется и в других книгах. В книге: «Основное в едином и пр.» автор, сославшись на некоторые определения, данные Гегелем и марксистами, называет «наиболее удачной» формулировку Плеханова. Но сейчас же после этого он заявляет: «Плехановское построение не решает вопроса, а лишь подводит к его решению». Затем тут же мы находим и искомое решение: «Качество есть отношение одной вещи к другой (в пространстве) и вещи к самой себе (во времени), а так как вещь нами познается только в виде совокупности свойств, то наше определение качества будет выражено как отношение одной совокупности свойств к другой»¹⁾.

Прежде всего следует задать себе вопрос: какой смысл противопоставления «качества» и «свойств»? Тов. Сарабьянов пишет: «Когда мы берем вещь в ее развитии, то находим, что в ней комбинация определенных свойств в течение некоторого времени остается неизменной в том смысле, что в течение всего этого периода имеются одни и те же свойства в одном и том же сочетании.

¹⁾ Указанная книга, стр. 97. Подчеркнуто нами.—А. С.

Однако эти свойства становятся большими или меньшими, причем одни могут увеличиваться, другие — уменьшаться. Это сочетание определенных свойств и есть качество». И далее: «Не будем смешивать свойства с элементом и с качеством. Количественное изменение тех же элементов приводит к новому качеству, так как создает новые свойства»¹⁾.

К этим положениям следует присмотреться ближе. На первый взгляд может показаться, что человек «просто» путается в трех соснах: качество, свойства, элементы. Но он не «просто» путается «в его безумии есть своя система». В данном случае т. Сарабьянов сознательно или несознательно ставит себе задачу: свести качество к количественным сочетаниям чего-то другого, чего-то уже бескачественного. И вот он выдвигает свою теорию «элементов». Иными словами, здесь мы опять находим чисто количественную, механистическую точку зрения. Механистическая точка зрения — непременно «атомистическая» в том смысле, что она ссылается на последние простейшие элементы мира, которые являются чистыми единицами, качественно совершенно однородными. Вот что говорит об этом Энгельс: «Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и измене-

¹⁾ В. Сарабьянов. Исторический материализм, стр. 98.

ниям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из тождественных мельчайших частиц»¹⁾).

Для марксизма точка зрения простейших неделимых, «бескачественных», «неприемлема уже потому, что мир с нашей точки зрения неисчерпаем как и каждый «простейший элемент» мира. Бытие на всех ступенях его расчленения остается определенным, конкретным, т. е. качественным бытием, «мерой».

«Качество, — говорит Гегель, — есть тождественная с бытием определенность, так что все существующее перестает быть, чем оно есть, когда теряет свое качество»²⁾. Это Сарабьянова не удовлетворяет, и он предлагает свое определение, которое всюду повторяет: «качество есть отношение».

Таким образом, у тов. Сарабьянова категория «качества» уничтожается дважды: 1) поскольку качество нацело сводится к количественным сочетаниям; 2) поскольку оно отождествляется с отношением.

В последнем случае ярко обнаруживается неспособность т. Сарабьянова к диалектическим различениям. Сказать, что качество относительно,

1) «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 145.

2) Гегель, Энциклопедия, § 85.

или что качество проявляется через отношение, и сказать, что «качество есть отношение» — это две совершенно различные вещи. Качество и отношение нельзя абсолютно противопоставлять. Но нельзя, конечно, и отождествлять. По существу, качество лежит в основе отношения, но не сводится к нему¹⁾. Чтобы существовать «для другого» (в отношении), надо сначала существовать «в себе».

Можно ли свести стоимость к отношению стоимостей в обмене на том основании, что меновая стоимость есть необходимая форма проявления стоимости? Субстанция стоимости, как известно, проявляется «лишь как общественное отношение одного товара к другому» (Маркс). Но из этого не следует, что стоимость равна «отношению». Стоимость товаров может изменяться, а отношение их стоимостей будет оставаться без изменения.

В «простой или случайной» форме стоимости отношение кажется еще чем-то действительно «случайным», произвольным, и «стоимость в себе» трудно отделить от отношения. Но уже в так называемой «развернутой форме стоимости» стоимость товара находит такое выражение, которое

¹⁾ Так, Гегель пишет: «Качество есть свойство (Eigenschaft) прежде всего и преимущественно в том смысле, поскольку оно обнаруживает себя во внешнем отношении как имманентное определение» (Наука логики, т. I, стр. 54).

лено указывает на ее «субстанцию», лежащую в основе всех отдельных отношений к различным потребительным стоимостям.

«Развернутая форма стоимости» у Маркса соответствует «мере, как ряду отношений меры» Гегеля. В переходе к развернутой форме стоимости, говоря словами Гегеля, «специфическая самостоятельность не остается существовать в одном прямом отношении, но переходит в специфическую определенность, которая есть ряд мер»¹⁾.

К сведению т. Сарабьянова: это, в частности, означает, что качество «ничто», вступая в бесконечный ряд отношений, тем самым противопоставляет свое «бытие в себе» любому из этих отношений, «снимает» свою относительность в этом бесконечном ряде отношений. Если же качество есть отношение, то всякое субстанциональное бытие исчезает, материя исчезает. Такой релятивизм несовместим ни с материализмом, ни с диалектикой.

IV

Как известно, в частности, В. И. Ленин особенно настаивал на том, что диалектика включает в себя момент релятивизма, но не сводится к релятивизму. Тов. Сарабьянов этого не различает. И он действительно скатывается к релятивизму. «Как

¹⁾ Гегель, Наука логики, т. I, стр. 241.

и все в мире, и качество тоже отношение», — пишет он¹⁾). И в другом месте читаем: «абсолютность — относительна, относительность же — абсолютна»²⁾).

Предоставляем читателю судить о том, насколько это заявление об абсолютности относительности совместимо с положением марксизма, что «не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной» (Ленин).

Итак, «абсолютность относительна, относительность же абсолютна». Тогда т. Сарабьянов, может быть, согласится с Богдановым насчет того, что «диалектика... должна подчинить себе понятие материи, отнять у него абсолютное значение?»³⁾. Или тов. Сарабьянов согласится с Богдановым, когда последний упрекает Плеханова в абсолютном отрицании ведьм и леших? Ведь это звучит так «недиалектично»: «Леший и домовый либо абсолютно существовали в эпоху наших предков, либо абсолютно не существовали».

Но т. Сарабьянов сам выступает против Богданова. Ленин писал по адресу последнего: «С точки зрения голого релятивизма можно признать «условным», умер ли Наполеон 5 мая

1) В. Сарабьянов, Основное в едином и пр. стр., 97. Подчеркнуто нами.—А. С.

2) Там же, стр. 100. Подчеркнуто нами.—А. С.

3) А. Богданов, Философия живого опыта, 1920 г., стр. 199.

1821 г. или не умер, можно простым «удобством» для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобно» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.»¹⁾ Тов. Сарабьянов нападает на Богданова тоже по поводу дня смерти Наполеона. Но как! Он пишет: «Так вот, условившись, что под Наполеоном мы понимаем такой-то процесс, а под смертью — прекращение дыхания и сердцебиения, условившись также пользоваться грегорианским летосчислением, — ответим ли мы категорически на вопрос, умер ли Наполеон 5 мая 1821 г.? Нам, вместе с Лениным, думается, что только сумасшедшим позволительно сомневаться в абсолютности и вечности этой истины. Но эта абсолютность, как видно из всего сказанного, вполне относительна, причем из всех отношений мы (субъективный момент!) отбираем определенное, нас (подчеркнуто автором. — А. С.) интересующее, для нас (подчеркнуто автором. — А. С.) важное»²⁾.

Стоит только хорошенько приглядеться, сравнить слова Ленина со словами т. Сарабьянова, чтобы убедиться, что последний ничуть не опровергает Богданова, а становится на его позицию.

¹⁾ Н. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Госиздат, 1920 г., стр. 133. Подчеркнуто нами. — А. С.

²⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 120. Подчеркнуто нами, кроме оговоренных мест. — А. С.

Тов. Сарабьянов целиком осуществляет здесь «единство субъекта и объекта», т. е. «нападающего» т. Сарабьянова с подвергающимся «нападению» Богдановым.

Тов. Сарабьянов даже с гордостью делает из беды добродетель, подчеркивая свою теорию «субъективизма». Что диалектический объективизм включает человеческую практику в рассмотрение предмета — это несомненно. В этом смысле диалектический материализм дает синтез объективизма и «субъективизма». Тов. Сарабьянов же преувеличивает момент субъективизма и дает вместо диалектического синтеза эклектику. Ленин выступал против метафизического объективизма Струве; но от этого до «субъективизма» еще далеко. Тов. Сарабьянов считает, что «субъективизм в марксизме с исключительной силой подчеркнул вслед за Марксом Ленин. У Плеханова он ступшевывается. Плеханов уклонялся в сторону того самого объективизма, против которого выступил со своим первым тезисом Маркс»¹⁾).

Неверно истолковав известный тезис Маркса о Фейербахе, т. Сарабьянов вслед за тем, как полагается «оригинальному мыслителю», раздул свою ошибку в целую систему. И вот он пишет: «Считается долгом научной чести высказаться против антропоцентрического отношения к миру. А между

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 105.

тем, именно к этому, если угодно, антропоцентризму, к субъективизму звал Маркс в цитированном выше тезисе о Фейербахе». «Решение вопроса о качестве вне «антропоцентрической» постановки его невозможно»¹⁾. И т. д.

Вы думаете, что можно без «субъективизма» утверждать, что лошадь — не корова, что корова — не лошадь? Ничего подобного: все зависит от того, как вам «удобнее» (вспомним слова Ленина насчет «удобных истин») с точки зрения вашей профессии, ибо «художник по-своему классифицирует мир вещей и процессов, а скотовод по-своему» (относится ли т. Сарабьянов к первым или ко вторым — остается под секретом). «Без субъективизма совершенно немыслима классификация, определение вида в естествознании»²⁾. А через несколько строк мы узнаем, однако, что «вид не условной пропастью, не условным скачкообразным процессом отделен от других видов, а действительными». Это очень утешительно, и мы успокаиваемся на том, что «вид — объективно-субъективная категория»³⁾.

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и пр. стр. 102 и 103.

²⁾ Там же, стр. 108 и 109.

³⁾ Капитализм тоже «субъективно-объективная категория». Так, т. Сарабьянов пишет: «Если под капитализмом мы субъективный момент) понимаем совокупность следующих с о й с т в (объективный момент): высокоразвитые орудия и средства труда и т. д.» (курс. авт. «Основное и т. д.», стр. 114).

Скучно задерживаться на всей этой путанице. Конечно, т. Сарабьянов не прочь примирить, соединить свой «субъективизм» с материализмом. На этом основании и т. Сарабьянов, несмотря на свой «антропоцентризм», может заявлять, что «качество есть объективное состояние»¹⁾. Но все это не более как сбоку прилепленные фразы. «Дела» же, т. е. рассуждения т. Сарабьянова — это путанный и непоследовательный, непродуманный, но все же релятивизм и субъективизм.

Приведем один пример с понятием материального и духовного. По мнению нашего философа, «всякое явление должно рассматривать... и как материальное, и как духовное». «Танец, спортивные движения, картины, симфония, речь... только материальные, поскольку мы их рассматриваем как объективное. Но все это, рассматриваемое как отражение в субъекте, будет духовным»²⁾.

Например, про трудовой процесс, по мнению т. Сарабьянова, нельзя просто сказать, что это — материальное. Когда материальное, а когда и «идеология»³⁾. Тов. Сарабьянов очень широко использует формулу: «и да, и нет», «да — нет» и пр. Однако всякую мысль можно довести до абсурда. Так же и диалектика может быть превращена в софистику, коей на практике широко пользуются

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное и пр., стр. 105.

²⁾ В. Сарабьянов, Исторический материализм, стр. 16.

³⁾ Там же, стр. 17.

«герои оговорочек». Если бы большевики в вопросах политики руководились «марксистским» методом т. Сарабьянова, они не далеко ушли бы. Когда говорят о материальных и нематериальных отношениях в обществе, подразумевают совершенно определенную вещь. А т. Сарабьянову это кажется чересчур просто, и он начинает приводить, например, такие перлы: «В обществе нет никаких других отношений, кроме материальных». «В субъекте... возникают различные физические процессы, которые ему (субъекту) кажутся чем-то нематериальным, психическим, духовным. Это — то, что носит название психики, идеологии»¹⁾.

Для всякого, обучавшегося марксизму не по т. Сарабьянову, ясно, что в этих словах психическое сводится к физическому, отождествляется с ним. Это — отголосок старой дицгенианской путаницы в данном вопросе. Но опять-таки у т. Сарабьянова можно найти и противоположные заявления. На то путаница и существует. Тов. Сарабьянов может при этом сослаться на формулу: «да — нет». На самом же деле это только означает, что наш автор не всегда хорошо продумал то, что пишет.

¹⁾ В. Сарабьянов, Введение в диалектический материализм, изд. «Пролетарий», 1925, стр. 25 — 26. Подчеркнуто нами.—А. С.

Понимает ли, в конце концов, т. Сарабьянов, что «реальный смысл диалектики», — которой по словам Богданова, не сумели уяснить себе Маркс и Энгельс, — что этот «реальный смысл» т. Сарабьянова как раз тот же, что и Богданова? Тов. Сарабьянову это, верно, и в голову не приходило; а между тем, «сродство душ» в данном случае установить не трудно.

Богданов пишет: «Под реальным противоречием можно понимать только одно — борьбу реальных сил, двух противоположно направленных активностей. Об этом ли говорит Энгельс? Очевидно, — нет»¹⁾. «Тот или иной процесс — движение тела, жизнь организма, развитие общества определяется борьбой двух противоположных сил». «Дело тут идет именно о борьбе двух реальных сил»²⁾.

Относительно Энгельса Богданов совершенно прав: Энгельс не так понимает диалектический материализм. Другое дело т. Сарабьянов. У него читаем: «Любая вещь... есть противоречивое явление. Различные силы вещи действуют друг на друга, в результате чего вещь изменяется. Определенное противоречие есть причина определенного движения. Эти противоречия бывают,

1) А. Богданов, *Философия живого опыта*, стр. 190.

2) Там же, стр. 194.

как внутренние (внутри вещи протекающие), так и внешние (вещь действует на вещь)»¹⁾.

Вот хороший пример сарабьяновского «внутреннего» противоречия: «Я хвораю. Значит, во мне борются силы, приносящие и разрушающие мое здоровье». Или вот другой пример из другой книжки: «Все течет, все изменяется в силу противоречий, как внутренних (в самом, например, пролетариате, между сознательными и менее сознательными), так и внешних (между пролетариатом и буржуазией)»²⁾.

Чисто механическое понимание противоречия! Мы уже имели возможность обнаружить это понимание в примерах т. Сарабьянова о переходе количества в качество. Силы пролетариата растут быстрее, чем силы буржуазии — и вот вам крах капитализма. У т. Сарабьянова не найдете указания на действительно внутренне-противоречивый характер капиталистической экономики, на «самодвижение» капиталистического общества, или хотя бы на то, что пролетариат есть живое самоотрицание, ибо он уничтожает не только своего антагониста — буржуазию, но и самого себя³⁾.

1) В. Сарабьянов, Введение в диалектический материализм, стр. 18. Подчеркнуто нами. — А. С.

2) В. Сарабьянов, Исторический материализм, стр. 119.

3) «Все конечное не ограничено только извне, но по своей собственной природе снимается и переходит в свое противоположное» (Гегель, Энциклопедия, § 81).

Тов. Ленин особенно подчеркивает момент «само-движения»¹⁾. Тов. Сарабьянов же по-своему пишет: «Движение возможно только при наличии не менее двух сил»²⁾.

Поразительно, что г. Сарабьянов, выпустив семь изданий «Истмата» со всеми этими премудростями, не потрудился внимательно вчитаться в «Анти-Дюринг». Он там нашел бы следующие слова Энгельса, как будто специально написанные по поводу его рассуждений: «Если гегелевское «учение о сущности» низвести до плоской мысли о силах, движущихся в противоположном направлении, но не противоречиво, то во всяком случае лучше всего уклониться от какого-либо применения этого общего места»³⁾.

Это было сказано, однако, по адресу не Сарабьянова, а Дюринга. Но Дюринг совершенно «в духе Сарабьянова» писал: «Антагонизм сил, которые действуют в противоположном друг другу направлении, составляет даже основную форму всех процессов, обуславливающих существование мира и обитающих в нем существ, но этот антагонизм сил в элементах и индивидуумах («внутреннее» противоречие по Сарабьянову.— А.С.).

1) См., напр. его статью в «Большевике» 1925 г. № 5—6, стр. 102.

2) В. Сарабьянов, Исторический материализм, стр. 113.

3) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Птгр. 1918, стр. 109.

однако, далеко не совпадает с идеей нелепого противоречия»¹⁾.

Последняя фраза свидетельствует о том, что Дюринг (как и Богданов) не был лишен способности различения в такой степени, как т. Сарабьянов. Дюринг прав: одно дело—механическое столкновение сил, другое дело—диалектика Гегеля—Маркса.

В. И. Ленин говорит в одном месте о «раздвоении единого», как о «сути» диалектики. Тов. Сарабьянов предпочитает вовсе не заниматься вопросом об единстве противоположностей. Да по существу, в его концепции и невозможно никакое единство противоположностей, кроме чисто механического. Его непонимание диалектического единства — только другая сторона его непонимания диалектического противоречия.

«Предмет в свете диалектики есть синтез единства и противоречий...— пишет т. Деборин.— Это открытие, которое чуждо еще даже многим марксистам (вот именно!—А. С.), имеет огромное значение. И кто не понимал учения о синтезе противоположностей, кто не понял, что конкретное понятие (научное) должно лечь в основу всякого научного понимания, тот не имеет никакого представления о диалектике, несмотря на то, что он может, как попугай, повторять известные ходячие положения»²⁾.

¹⁾ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Птрг. 1918 г., стр. 106. Подчеркнутое нами. А. С.

²⁾ «Под знаменем марксизма», 1924, № 3, стр. 8—9.

Известно, что с точки зрения диалектики брать вещи конкретно, — это значит брать их не только в определенной связи, но брать их, как они существуют, т. е. как единство противоположностей. Тов. Сарабьянов, не имея понятия о последнем, истолковывает конкретность истины только в одном смысле: «Явление должно брать в определенных, для нас важных, нас интересующих связях»¹⁾.

Тов. Сарабьянов (с точки зрения механистической) последовательно устанавливает такое правило: «пока идет речь о качестве предмета, мы пользуемся правилами формальной логики, а если о количестве, то пользоваться приходится формулой логики противоречия»²⁾. Замечательное открытие! На основании этого открытия т. Сарабьянов дальше поясняет: «Человек я или не человек? Да — да, ты человек... Предмет либо существует, либо не существует, свойство есть, либо его нет. Здесь беспредельно господствует формальная логика» (подчеркнуто нами. — А. С.)³⁾.

Ну, и диалектика! «Свойство есть или его нет»... Самый пример: «ты — человек» или (все равно) «он — человек» встречается как раз у Ленина. Ленин по поводу предложения: «Иван есть человек» и тому подобных истин, пишет: «Уже здесь (как ге-

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и проч., стр. 107.

²⁾ Там же, стр. 91.

³⁾ Там же, стр. 115

ниально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное есть общее... Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны»¹⁾.

«К сожалению», в этих положениях не видно «противоположных сил», а посему естественно, что т. Сарабьянов не заметил и диалектики. Тов. Сарабьянов видит противоречие только там, где можно противопоставить: «Я» и «ты». Впрочем, т. Сарабьянов знает два сорта противоречий: «Противоречия нами наблюдаются и во времени и в пространстве. Например: Я есть Я и уже не Я, так как вчерашнее Я не есть Я позавчерашнее»²⁾... Опять чисто формальное противопоставление, что равносильно сохранению формального тождества противопоставляемых моментов.

«Формальное мышление, — пишет Гегель, — возводит себе в закон тождество, оставляет противоречивое содержание, находящееся перед ним, нисходит в сферу представления, в пространство и время, к коей противоречивое содержание удерживается одно вне другого, в сосуществовании и последовательности, и таким образом выступает перед сознанием без взаимного соприкосновения»³⁾.

Кто-то хорошо сказал, что если бы капитализм и социализм существовали одно вне другого,

1) Статья в «Большевике», 1924, № 5 — 6, стр. 103.

2) В. Сарабьянов, Основное в едином и проч., стр. 86.

3) Гегель, Наука логики, т. III, стр. 206.

то была бы невозможна борьба между ними и, следовательно, переход. Но, где нет переходов, там нет и диалектики. А у т. Сарабьянова именно нет и не может быть переходов. Например, Ленин учил о том, что социалистическая революция «не отделена китайской стеной» от буржуазной, что долго после падения буржуазии будет еще оставаться «буржуазное право» и вообще, что старое живет долго после того, как новое уже родилось и т. п. Но разве это совместимо с положением Сарабьянова: «свойства вещи или существуют, или не существуют»?

«За революцией обязательно наступает прямая противоположность того, что было до революции» — поучает т. Сарабьянов ¹⁾. Повидимому, невозможно совместить Ленина и Сарабьянова. «Гений и злодейство — вещи несовместимые».

VI

Ошибка цепляется за ошибку. Механическое понимание противоречия связано с непониманием учения о конкретном понятии. Где нет синтеза единства и противоречий, там нет и переходов. Где нет переходов, нет развития.

Это не значит, что т. Сарабьянов просто заявляет, что он не признает развития. Но это значит, что он его не понимает. Это выражается в частности в его толковании «отрицания отрицания» и

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 91.

«триады». Рассуждения о «триаде № 1» и «триаде № 2», — это сплошная схоластика человека, запутавшегося в чисто формальных определениях.

Так мы узнаем, что «триада № 1» есть простое утверждение факта, что «сегодня» не есть ни «вчера», ни «завтра». Мы узнаем далее, что «второй вид триады с синтезом свойств первой и второй ступени есть неплохое теоретическое выражение повторности явлений, на которой стоит вся наука».

«Отрицание отрицания» есть выражение того факта, что вещи в природе и в обществе явились в результате развития других вещей. Развитие «отринуло» эти «другие вещи», но не остановилось на голом отрицании, а создало нечто положительное, новое. Это новое нечто, как отрицание определенного, конкретное отрицание вещи, включает в себя свойства этой последней «в снятом виде». Развитие поэтому означает и уничтожение и сохранение, «идеализацию» (как иногда говорит Гегель) старого. Энгельс уже давно и просто, без сарабьяновских премудростей, разъяснил этот вопрос об «отрицании отрицания». — «Первое отрицание я должен произвести таким образом, чтобы было или стало возможным второе отрицание», т. е. развитие, как положительный результат ¹⁾.

¹⁾ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1918 г., стр. 127:

Отрицание отрицания в диалектике — это синтез уничтожения и сохранения, который наблюдается в процессе развития. Но т. Сарабьянов, как мы видели, сводит дело к «повторению». «В этом толковании триады как бы отражается закон повторяемости явлений», — пишет он¹). Когда же он говорит о том, что «третья ступень... включает в себя свойство первой ступени... обогащенное в процессе развития второй ступени», — он понимает этот «синтез» очень просто, как сложение. Кусок от «первой ступени», кусок от второй — и вот вам третья. «Коммунизм — от тезы, техника — от антитезы», и вот вам в сумме «грядущий коммунистический строй».

Впрочем, т. Сарабьянов сомневается, всегда ли «третья ступень» есть синтез тех или иных свойств первой и второй. «Известно, например, — пишет сомневающийся т. Сарабьянов, — что по Менделю при скрещивании... если от двух черных бастардов (помесей), происшедших от помеси черного с белым, мы получаем белое поколение, т. е. у этих двух черных бастардов совершенно отсутствовало свойство «белое», которое вновь появилось лишь в третьей ступени, то ведь рецидив «белого» не обязателен, и по закону Менделя могло появиться и «черное» и «черно-белое»²).

1) В. Сарабьянов, Введение в диалектический материализм, стр. 22.

2) В. Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 124. Подчеркнуто нами — А. С.

Итак, отрицание отрицания — это «рецидив», к тому же еще не обязательный. «Третья ступень» может и не включать «свойств» ранее пройденных ступеней. «Принимая триаду в первом смысле, — пишет т. Сарабьянов, — мы едва ли имеем очень серьезные основания к принятию ее в том смысле, что третья ступень включает в себя какие-то свойства первой ступени, выпавшие на второй ступени. Почему обязательно это воскресение из мертвых?»¹⁾

Повторение («рецидив») и сложение — вот из чего составляется у Сарабьянова его «триада» и «отрицание отрицания». Арифметика под видом диалектики.

Но зато какое «уточнение нашего марксистского метода»! Извольте ли видеть: «Вот про эту-то триаду, часто говорят, что вещь развивается и четырьмя ступенями и больше. И сам Гегель и Плеханов отмечали случаи четырехстепенности. Но объясняется это лишь тем, что как для творца современной диалектики (Гегеля), так и для его великого ученика (Плеханова) неясным представлялось «качество». Если же принять «качество» в том толковании, какое мы ему дали выше, то ясно, что речь идет только о триаде, только о трех ступенях, из которых на первой имеются какие-то из интересующих нас свойств, на

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 124.

второй — еще какие-то, которых не было на первой ступени и на третьей — сочетание их»¹⁾.

Еще раз, т. Сарабьянов: сложение не есть «развитие». И затем: откуда же у вас взялись эти «еще какие-то»? Кто их поставил на «вторую ступень»? А главное — что это за «политграмма?»²⁾.

VII

Итак, что же осталось от диалектики в «понимании» т. Сарабьянова?

Энгельс сводит законы диалектики к следующим трем:

Закон перехода количества в качество и обратно.

Закон взаимного проникновения противоположностей.

Закон отрицания отрицания³⁾.

Первый из них т. Сарабьянов радикально «уточнил», так как свел качество к отношению количеств. Качества, по существу, у т. Сарабьянова нет.

О «законе взаимного проникновения противоположностей» у т. Сарабьянова нет и не может быть речи, так как он понимает противоречие как механическое столкновение сил. В связи с этим

¹⁾ В. Сарабьянова, Основное в едином и пр., стр. 123. Подчеркнуто нами. — А. С.

²⁾ Книжка т. В. Сарабьянова, Введение в диалектический материализм, издана Юношеским сектором издательства «Пролетарий» в серии: «Политграмма. Книжка за книжкой».

³⁾ «Архив Маркса и Энгельса», кн. II, стр. 221.

у него нет «переходов», и невозможно понимание третьего «закона отрицания отрицания». Последний сводится у него к плоскому («простому», по выражению Сарабьянова) утверждению факта, что сегодняшний день будет сменен завтрашним, подобно тому, как вчерашний был сменен сегодняшним ¹⁾).

Объявить т. Сарабьянова создателем какой-то особой философской системы было бы несправедливо. Но ежели выделить все то, в чем наш философ уклоняется от истины в области понимания диалектики, и соединить это воедино, то окажется, что все ошибки и «недоразумения» сводятся в основе к одному корню: механическое понимание диалектики, т. е., иными словами, полное ее непонимание.

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином и проч., стр. 122.

СУБЪЕКТИВИЗМ И МАРКСИЗМ

1. Современный ревизионизм и т. Сарабьянов

«Практика» нашей революции такова, что она по одной своей сложности, грандиозности, по своей пестроте, по стремительной смене разнообразнейших форм требует от пролетариата верной, пристальной, отчетливой теоретической мысли.

«Практика» нашей революции втягивает в общественную борьбу, воспитывает, просвещает все новые широчайшие слои масс. Но эта же практика поглощает громадное количество сил революционного класса, — революционной партии лишая, их возможности углубляться в вопросы теории.

Быстрый рост движения вширь при таком неблагоприятном для теории «балансе» в распределении внимания и сил на теорию и практику, создает почву для всякого рода «упрощенчества», для вульгаризации марксизма.

С другой стороны, обстановка революционного времени обладает некоторыми такими «особенностями», которые способны, при наличии других

«благоприятствующих условий», породить в общественном сознании отдельных людей воззрения, перекатывающие через точку зрения пролетариата, перекатывающие через марксизм.

Так революционное диалектическое отрицание может быть «преувеличено» до абсолютной отрицательности, до проповеди «абсолютной относительности» всяких истин (релятивизм), что имеет свой практический эквивалент в виде нигилизма, обывательско-анархического нигилизма, каким только и может быть в наше время нигилизм.

Революционная активность, идущая по линии объективно-необходимого исторического процесса, может в свою очередь таким же образом в теоретическом философском мышлении перерасти в абсолютизирование субъективной активности, в ее «субстанционализирование», в фиктеанский «актуализм», т. е., в конечном итоге, в субъективный идеализм.

Резкое, смертельное столкновение в общественной борьбе двух сил, взаимно исключаящих друг друга в момент социальной революции, приводит (через некоторый сознаваемый или несознаваемый «социоморфизм») к пониманию всякого лежащего в основе развития диалектического противоречия как механического столкновения «противоположно направленных активностей» (Богданов), т. е. приводит к замене диалектического понимания

механическим (механистическим тож), к замене диалектики формально-механическим пониманием действительности.

Крайности, как известно, сходятся. Такова диалектика жизни. *Summum jus — summa injuria*. «Превеличенная революционность» анархизма носит печать реакционности. Подобно этому: «актуализированный», «релятивизированный» и пр. марксизм, конечно, не открывает неведомых новых горизонтов, а всего лишь пятится к давно известным реакционным воззрениям субъективного идеализма в его разнообразнейших формах. Так получается «воскрешение из мертвых» (никогда, впрочем, еще не умиравшей окончательно) богдановщины, махизма и пр.

В наши дни обо всем этом приходится говорить как о факте, который заставляет над ним задуматься. У нас имеется ряд философствующих естественников и довольно плодовитых «писателей» (иногда работающих больше ножницами, чем пером), теоретическая «правоверность» которых с точки зрения марксизма заставляет желать много лучшего.

Одним из таких литераторов является т. Сарабьянов.

О чем говорит т. Сарабьянов? Последнюю свою статью в журнале «Под знаменем марксизма», № 12 за 1925 г., он начинает прямо-таки с утверждения о существовании «двух лагерей» в современ-

ной философской марксистской мысли. Он говорит также о том, что «внутри каждого лагеря» достаточно есть расхождений. Этим последним он, конечно, только подчеркивает наличие не случайных и частных, а глубоких принципиальных расхождений по «лагерям», потому что частичные несогласия могут быть, действительно, внутри одного лагеря. Известно, например, что Ленин не раз ловил Плеханова на слове, на тех или иных ошибочных формулировках в области философии, но это не помешало ему в 1921 г. заявить что то, что написано Плехановым по философии, есть «лучшее в мировой литературе марксизма». И какой же здравомыслящий человек зачислит Ленина и Плеханова в разные философские «лагери»?

Мне кажется, с этим констатированием наличия разных лагерей приходится согласиться. Во всяком случае, существует лагерь марксизма, диалектического материализма, и существуют группы товарищей, делающих для себя из основных положений марксизма «спорные проблемы». В целом эти группки можно, конечно, назвать «лагерем» проблематичных марксистов.

В этот лагерь переходит т. Сарабьянов.

Но в этом «лагере» т. Сарабьянова приходится отметить о с о б о. Потому «особо», что т. Сарабьянов сам отгораживался — находил необходимым отгораживаться — и от тех, кто предлагал вообще

выбросить философию «за борт», и от тех, кто открыто объявлял себя механистом. Тов. Сарабьянов не находил возможным примкнуть к хору шуточек насчет «гегельянства».

Верно то, что т. Сарабьянов ошибался, спотыкался на каждом шагу. Но еще в своей прошлой статье о нем («Под знаменем марксизма» за 1925 год, № 10—11) мы могли сказать, что хотя в уклонениях т. Сарабьянова есть определенные тенденции, больше всего у него все же просто путаницы. Ошибки системы выравнивались в некую систему ошибок, но казалось, что системы этой еще нет, что дело можно поправить, если т. Сарабьянов подумает, поймет и исправит ошибки. Что же сделал т. Сарабьянов? Вынужденный высказаться более определенно, он развернул в своей последней статье действительно почти законченную систему релятивизма, субъективизма, «актуализма», — в общем, всего того, что суммируется в философии субъективного идеализма.

Вот это-то свое отступление от марксизма т. Сарабьянов считает разработкой проблем материалистической диалектики.

«Продвигаться вперед нужно», пишет т. Сарабьянов. Совершенно верно, надо продвигаться вперед. Совершенно верно, проблемы философии, проблемы методологии марксизма требуют своей дальнейшей и дальнейшей разработки. Но мы совершенно не согласны с утверждением т. Сарабьянова,

«будто за последние годы» не появлялось в печати статей, «где ставились бы новые проблемы, или по-новому старые, поскольку речь идет о диалектическом методе». Проглядели вы, т. Сарабьянов, или не поняли! Не поняли, потому что под «продвижением вперед» вы понимаете такое «изобретательство», которое не продолжает линию марксизма, а отступает от нее. «Продвижение вперед»—это для вас значит по существу: критика, пересмотр Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина ¹⁾).

«Убивать попытку продвижения вперед во имя учителей,—этого допустить нельзя». Вот до чего договорился т. Сарабьянов! Что за стиль, каким душком пахнет эта фраза!

Надо «во имя учителей» уметь не прекращать двигаться вперед! А вот если вы можете двигаться «вперед» лишь вопреки «учителям», то это совсем особая песня.

Двигайтесь вперед, т. Сарабьянов, но двигайтесь по линии марксизма и помните, что первое условие, необходимое для успешности такого продвижения,—это правильная, марксистски выдержанная исходная позиция.

Мы в своей прошлой статье о «неудачах популяризатора» как раз и указывали на ошибочность исходных позиций т. Сарабьянова.

¹⁾ «Мы отлично понимаем, что критика таких учителей марксизма, как Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, легко приводит в лагерь врагов марксизма, но... но надо только сохранять в критике осторожность».—Так пишет т. Сарабьянов.

Интересно, что во всех тех случаях, когда мы указываем на прямое различие у Ленина и Сарабьянова понимания отдельных существенных вопросов методологии, цитируя и сопоставляя Ленина и Сарабьянова, — во всех этих случаях т. Сарабьянов или отмалчивается, не пытаясь опровергнуть расхождения, или же прямо настаивает на своей правоте против Ленина.

Но дело теперь уже не в отдельных вопросах, а во всей системе философских воззрений т. Сарабьянова, несовместимой с диалектическим материализмом Ленина. Перейдем к рассмотрению отдельных частей этой, все еще не законченной системы.

2. Субъективизм и материализм.

В статье о философских «неудачах» т. Сарабьянова мы брали вопросы в одном определенном разрезе: в смысле неверного понимания т. Сарабьяновым основ диалектики. Так, в частности, вопрос о «качестве» брался нами в связи: 1) с преувеличенным, односторонним пониманием у т. Сарабьянова момента относительности в диалектике, 2) в связи с его механическим пониманием противоречия как столкновения двух противоположно направленных сил, и 3) в связи с фактическим сведением на этой почве качества к количеству.

В ответ на это т. Сарабьянов рассматривает вопрос о «качестве» совершенно изолированно от

вопроса об отношении качества и количества, о «переходе» одного в другое, о механическом равновесии и пр.

И действительно, постановка вопроса о понимании «качества» т. Сарабьяновым была бы теперь уже недостаточной, если бы мы ее взяли только под углом зрения противопоставления диалектического и формально-механического понимания. Проблему приходится теперь брать прежде всего в свете противоположности материалистического и субъективистского, т. е. идеалистического понимания. Ибо «механизм» уже совершенно явственно тащит т. Сарабьянова к стыдливому, завуалированному идеализму.

«Без диалектики неполна, односторонняя, — скажем более, невозможна материалистическая теория познания», — пишет Плеханов.

«Диалектика совместима лишь с материализмом» — пишет т. Деборин ¹⁾.

Диалектика несовместима со спекуляцией. Через объективизм она ведет к материализму. Гегель не перешел этой грани, но его диалектика требует объективного метода. «В философии, — пишет Гегель, — доказать — значит показать, как предмет из себя и через самого себя становится тем, что он есть» ²⁾. Совершенно в этом же духе говорит

¹⁾ «Воинствующий материалист», кн. V, стр. 11.

²⁾ Гегель, Энциклопедия, § 83.

Маркс: «Свободное движение в материале есть не что иное, как парафраза... диалектического метода».

Последовательно-диалектическая точка зрения необходимо приводит к материализму, Гегель приводит к Фейербаху и Марксу¹⁾. Последовательный материализм немислим без диалектики.

Наоборот, недиалектическое, механическое понимание действительности вполне «закономерно» ведет через сведение качества к количеству, через признание количества объективной сущностью вещей, через признание качества субъективной категорией, через все эти промежуточные звенья ведет к феноменализму, к субъективизму, к субъективному идеализму того или иного толка.

Этот путь в обетованную страну идеализма и проделывает т. Сарабьянов, с помощью своего «активного релятивизма» (подлинное т. Сарабьянова выражение). Сорокалетние блуждания (или шатания) по проклятым «спорным проблемам» еще не кончены, но райские сады уже близко, их ароматом дышит последняя сарабьяновская статья.

Уже в прошлой статье мы указывали на субъективизм т. Сарабьянова, граничащий с феноменализмом и переходящий в феноменализм.

¹⁾ Ленин говорит о системе Гегеля, которая «привела к материализму Фейербаха» (т. XII, ч. 2, стр. 55).

Что же? Опровергает ли т. Сарабьянов это «обвинение» в субъективизме? Нет, нисколько. Наоборот, он настаивает на правомерности этого субъективизма. Он пишет: «мой» субъективизм, ставя при этом в кавычки только одно единственное слово «мой». Мы согласны, конечно, что субъективизм не является ни особенностью одного т. Сарабьянова, ни его «изобретением». Богданов, Мах, Беркли, Фихте и множество других развивали точку зрения субъективизма до Сарабьянова. Того же, что философия т. Сарабьянова есть субъективизм, сам он не отрицает. Тем лучше, ибо яснее.

«Думаю, что и «мой» субъективизм не так уж легко опровергнуть», — пишет т. Сарабьянов.

Тов. Сарабьянов «срывает с действительности» «внесубъективное, надсубъективное покрывало». «Революционный класс, — пишет он, — не любит иллюзий, он срывает с действительности накидываемое на нее эксплуатирующими классами «внеклассовое», «внесубъективное», «надсубъективное покрывало». И далее: «Не есть ли классификация Линнея надсубъективная, в определенную эпоху обязательная для всех классов? Да, она может быть обязательной и для пролетариата и для буржуазии, но это не значит, что она надсубъективна» (подчеркнуто нами. — А. С.) ¹⁾.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925, № 12, стр. 186 и 188.

Можно ли делить животных на коров, лошадей и пр., считая, что это есть объективное, независимое от субъекта, в действительности существующее деление? Нет, по мнению т. Сарабьянова, нельзя. «Без субъективизма никакого деления на классы, роды, виды просто невозможно, так как признаков бесконечное множество, а важного и неважного объективно в природе не существует»¹).

Что означают все эти философские рассуждения т. Сарабьянова?

Они означают, несомненно, следующее: если взять действительность независимо от всякого сознания, то там не существует различий коров и лошадей, млекопитающих и птиц и т. д. Вообще не существует «никакое деление на классы, роды, виды».

«Каждый субъект классифицирует один и тот же мир объективных явлений по-разному в зависимости от того, чему должна служить эта классификация, каких целей она должна помочь достигнуть» (подчеркнуто т. Сарабьяновым)²).

Но это по существу означает, что качества — субъективны. Это значит также, что все «определения» мира, вся определенность его многообразия, весь порядок его расчленения — все это вносятся в мир субъектом. Это значит, что «мир

¹) В. Сарабьянов, Беседы о марксизме, изд. «Безбожник», 1925, стр. 37.

²) «Под знаменем марксизма» 1925, № 12, стр. 188.

объективных явлений» есть субъективный мир, есть продукт сознания.

А это и есть подлинный идеализм. Тов. Сарабьянов скажет, что он не идеалист, так как признает существование мира вне и независимо от человеческого сознания. Действительно, т. Сарабьянов несколько раз декларирует существование такого трансцендентного бытия. Но если качество субъективно, если всякая определенность, «модальность» мира «условна», есть результат «обусловления» (ваше выражение) человеческим сознанием, тогда чем отличается этот ваш «мир в себе» от кантовской «вещи в себе»? Вам ведь известно, вероятно, что по Канту эта его мифическая «вещь в себе» вызывает в нас ощущения, «аффицирует нашу чувственность», по его выражению. Тем не менее она у Канта остается мифической, непознаваемой, а в «мир объективных явлений» порядок, качественную и всякую определенность вносит «трансцендентальная апперцепция» своими «категориями». Признание некоего «трансцензуса» в виде аффицирующей чувственность вещи в себе не мешает тому, что «объективный мир», «материальный мир» Канта — это продукт сознания.

Нечто подобное имеется и в «системе» т. Сарабьянова.

Правда, т. Сарабьянов говорит иногда о том, что качество есть не просто субъективная, а

«объективно-субъективная категория». Но на деле т. Сарабьянов отрицает «качество» как объективную категорию на каждом шагу.

Всякому, даже не обучавшемуся на рабфаке, ясно, например, что его рассуждения об «условности» таких «качеств» как труп, живое и мертвое и пр., — что эти рассуждения есть богдановщина на чистейшей воде.

Извольте ли видеть: «В практике своей человечество условилось понимать под живым человеком существо с такими-то процессами, а под трупом с другими... Человечество условилось считать трупом человека с остановившимся сердцем и не работающими определенным образом легкими»¹⁾.

Неужели же нужно спорить с т. Сарабьяновым по существу и доказывать, что различие между трупом и живым человеком никак не есть «условная, относительная истина», что верность этой истины основывается не на общезначимости ее? Но это означало бы необходимость спорить по всему фронту против богдановщины, против субъективного идеализма вообще. Это, во всяком случае, не был бы спор в пределах материалистического лагеря.

Или надо еще доказывать т. Сарабьянову, что это рассуждение есть богдановщина? Но в этом

¹⁾ «Под знаменем марксизма» 1925, № 12, стр. 192.

случае т. Сарабьянов совершенно сознательно выступает в защиту Богданова против совершенно определенно высказанных Энгельсом и Лениным положений.

В прошлой статье мы цитировали слова Ленина, направленные против Богданова. «С точки зрения голого релятивизма можно признать «условным», умер ли Наполеон 5 мая 1821 г. или не умер», — писал Ленин.

Там же мы заметили, что «нападение» Сарабьянова по этому вопросу на Богданова есть лишь видимость нападения, на деле же они едины суть. Теперь эта видимость нападения сменилась откровенной защитой Богданова.

Теперь т. Сарабьянов пишет (скромно умалчивая о Ленине и упоминая лишь Энгельса):

«Абсолютность относительна. Наполеон умер какого-то числа, — говорит Энгельс. — Но действительно ли он умер в этот именно день? — спрашивает Богданов. Так ли уж наивен этот вопрос? Сама смерть есть условное понятие. Тов. Столяров боится условности, он склонен увидеть здесь идеализм. Но, ведь, смерть действительно условное понятие» ¹⁾.

«Условна», т. Сарабьянов, т. е. трудно уловима, подвижна грань между жизнью и смертью, но безусловно их различие.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925, № 2, стр. 191—192.

От трагически-неприятного примера с трупами перейдем к другому примеру т. Сарабьянова насчет «условления» или «обусловления» объективных качеств. Теперь речь идет о пушке на подбородке и о бороде. Тов. Сарабьянов любит контрасты.

В статье «О некоторых спорных проблемах» читаем:

«Процесс условления протекает за спиной людей, он есть стихийный, слепой процесс. Только поэтому Плеханов, как и мы с вами, и не может найти грань между пушком и бородой, что человечество не условилось, что понимать год тем и другим и не знает, от каких свойств волос на подбородке можно абстрагироваться и какие необходимо учесть»¹⁾.

Что же выходит? По Плеханову граница между «пушком» и бородой ступеневывается в процессе постепенного непрерывного перехода, но само различие «пушка» и бороды есть факт объективного, независимо от сознания существующего мира. В объективном мире происходит переход от одного качества (пушок) к другому (борода).

По Сарабьянову же этот переход, эта граница, это различие существует лишь «постольку, поскольку» оно существует в понятии, и ни перехода, ни бороды нет, если «человечество не условилось, что понимать под тем и другим».

1) «Под знаменем марксизма», 1925, № 2, стр. 192.

Всякое «качество» (корова, лошадь, капитализм, H_2O , Сарабьянов и пр.) есть нечто равное самому себе, некая устойчивость, «покой».

«А-А, т. е. А и есть А, А как А не изменилось. А остается в состоянии покоя» (Сарабьянов).

«Надо ли говорить,—продолжает т. Сарабьянов по этому поводу,— что этот «покой» относителен и требует заковычения».

Отсюда т. Сарабьянов делает вывод, что этот «относительный покой» есть условный покой (далее идут рассуждения т. Сарабьянова об «условности» смерти и пр.), покой, созданный процессом «обусловления».

Устойчивость, «покой» оказывается продуктом человеческого сознания, фактом субъективного порядка. Т. е. само «качество», вещь, вся определенность мира оказывается субъективной, т. е. не существующей помимо сознания.

И, конечно, этот «пассаж» логически совершенно закономерен, раз т. Сарабьянов стал на точку зрения релятивизма, раз он настаивает на том, что абсолютность относительна, а относительность абсолютна.

«Наша относительность абсолютна, — пишет т. Сарабьянов, — ибо все течет и изменяется, нет точки покоя иной, как обусловленной нами (курсив наш. — А. С.), и нас, конечно, релятивизмом не запугаешь»¹⁾.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925, № 12, стр. 190.

Тов. Сарабьянов не понял, что с точки зрения диалектики мир не является ни абсолютно устойчивым, неизменным, ни абсолютно изменчивым. Поток изменчивости мира получает определенность бытия, увязываясь в качественные «узлы».

У т. Сарабьянова вопреки этому всякая качественность, всякая определенность бытия, а вместе с тем и всякое определенное бытие тонет в безбрежном релятивизме.

«В суждениях наших софистов «элемент наличного бытия», — как выражается Плеханов, — отменяется элементом «становления». Это действительно «злоупотребление диалектикой, а не правильное применение диалектического метода»¹⁾. Эти слова, написанные некогда против Богданова, целиком могут быть отнесены в настоящее время на счет Сарабьянова.

«Положить релятивизм в основу теории познания значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм»²⁾.

Так оно и случилось с т. Сарабьяновым.

«Относительность абсолютна», — снова повторяет и подчеркивает т. Сарабьянов в ответ на попытки заставить его исправить свои ошибки в вопросе о релятивном.

¹⁾ А. Деборин, Введение в философию диалектического материализма, изд. 1922 г., стр. 276.

²⁾ Ленин, т. X, стр. 109.

«Для объективной диалектики и в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»¹⁾.

Это утверждение Ленина т. Сарабьянов предпочел обойти молчанием, несмотря на сделанный однажды вызов. Выступить открыто против Ленина не по второстепенным, а по важнейшим, коренным вопросам материалистической диалектики т. Сарабьянов еще не решает.

Последовательно проведенный субъективизм означает: 1) отрицание объективной истины, 2) отрицание самого объективного мира, лежащего за гранью человеческого сознания. Одно, конечно, связано с другим; то и другое — лишь два момента одного и того же.

Остановимся несколько подробнее на первом, а затем и на втором моменте.

У Авенариуса и Маха, — пишет В. И. Ленин, — «философский субъективизм, неизбежно приводящий к отрицанию объективной истины»²⁾.

Ленин борется с субъективизмом Богданова и всех эмпириокритиков; указывая на неизбежно

¹⁾ Ленин, К вопросу о диалектике, «Большевик», 1925, № 5—6, стр. 102. Курсив наш. — А. С.

²⁾ Ленин, т. X, стр. 100.

связанное с субъективизмом отрицание объективной истины.

«Отрицание объективной истины Богдановым есть агностицизм и субъективизм»¹⁾. «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней». — Так пишет Ленин²⁾.

Теперь посмотрите, что пишет по вопросу, об объективной истине т. Сарабьянов:

«Прежде всего оговорю, что никакой объективной истины вообще не существует» (курсив наш.—А. С.).

Дальше:

«Противопоставление объективной и субъективной истин закономерно лишь в устах субъективных идеалистов непоследовательного толка, отрицающих объект, но признающих принципиально схожих наблюдателей (Петцольд, Богданов и др.)»³⁾.

Недурно сказано! Энгельс, Плеханов, Ленин и другие марксисты на протяжении десятилетий «ломают копья» в защиту существования объективной истины и вдруг... появляется т. Сарабья-

1) Ленин, т. X, стр. 98.

2) Там же, стр. 109. Подчеркнуто Лениным.

3) «Под знаменем марксизма», 1925, № 12, стр. 190 — 191.

нов и единым росчерком пера объявляет весь спор пустым, нелепым, невозможным, ибо «противопоставление объективной и субъективной истин закономерно лишь в устах субъективных идеалистов»!

«Быть материалистом, — пишет Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, независимую от человека и от человечества истину значит так или иначе признавать абсолютную истину» ¹⁾.

И далее: «Исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина... Вы скажете (продолжает Ленин, обращаясь к махистам): это различие относительной и абсолютной истин неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоренелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистических последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной

¹⁾ Ленин, т. X, стр. 106. Подчеркнуто нами. — А. С.

философии. Это — грань между диалектическим материализмом и релятивизмом»¹⁾).

Эти слова Ленина бьют прямо против Сарабьянова. Именно т. Сарабьянов «не заметил грани» между материализмом и релятивизмом; именно он стирает грань между объективной и субъективной истиной.

Почему же т. Сарабьянов, вопреки Ленину, вопреки всему марксизму, считает невозможным противопоставление объективной и субъективной истины? Да потому, что у него все содержание сознания тонет в его абсолютном релятивизме («относительность абсолютна») потому, что качество субъективно, потому, что все содержание сознания субъективно. Существует только субъективная истина. «Не так-то легко опровергнуть «мой» субъективизм», — пишет т. Сарабьянов.

Никакой, объективной истины нет, поэтому нелепо противопоставление объективной истины и субъективной. Такова точка зрения т. Сарабьянова.

Далее т. Сарабьянов еще больше путает и утверждает, что под «термином» (заметьте: всего лишь «термин» — вот к чему сводится дело!) «объективная истина» (т. Сарабьянов ставит объективную истину в кавычки) марксисты понимают «самое бытие». «Яблоко, объективно сущее, есть

¹⁾ Ленин, т. X, стр. 109. Подчеркнуто нами. — А. С.

объективная истина». Так т. Сарабьянов «уничтожает» объективную истину тем, что устраняет из ее определения вопрос об отношении мышления и бытия. Между тем вопрос о существовании объективной истины есть вопрос гносеологический, теоретико-познавательный вопрос о содержании нашего познания в его отношении к миру «вещей в себе».

И, конечно, Сарабьянов все ссылается здесь на Ленина. Вот как определяет Ленин вопрос об объективной истине:

«...Существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»¹⁾.

Тов. Сарабьянов как раз и отрицает существование такого «независящего от человечества» содержания в наших представлениях. Ибо, как он выражается, «решение вопроса о качестве вне «антропоцентрической» постановки его невозможно»²⁾.

«Качество», т. е., в конце концов, вся определенность бытия мира и все бытие в его определенности, создается по мнению Сарабьянова человечеством в процессе «условления» или «обусловления».

1) Ленин, т. X, стр. 97. Подчеркнуто нами. — А. С.

2) Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 103.

Что это за процесс «условления»? Что это за «обусловление», в процессе которого возникает разделение на «классы, роды и виды», на мертвецов и живых людей, на бороды и голые подбородки, на коров и лошадей, на различные «качества»?

Это «обусловленная истина» т. Сарабьянова есть не что иное, как «общезначимая истина» Богданова.

Тут не имеется никакого сколько-нибудь значительного отличия «концепции» т. Сарабьянова от богдановского учения об общезначимых истинах, как объективных.

Сарабьяновский субъективизм заключается в том, что нельзя говорить об объективном, независящем от человеческих представлений, различии между живым человеком и его трупом. Это различие «условно», оно есть результат практических потребностей человека, не существует вне человеческого сознания, оно существует только в качестве «субъективной истины».

Если бы различия в наших представлениях отражали и вызывались различиями в объективном мире, тогда не надо было бы говорить об «условности» и пр. Тогда это значило бы признать объективную истину существующей.

Но по Сарабьянову этого нет.

Тов. Сарабьянов думает наивнейшим образом перевести вопрос на такие рельсы: плоха или

хороша данная лошадь? Она, мол, может быть хороша для скачек, но не годится для перевозки тяжелых грузов. Разве это не «условность», разве это не «условное определение качества»?

Или вот т. Сарабьянов пишет:

«Нет худа без добра. Что «добро» и «худо» есть качества, это, надеюсь, бесспорно. Но имманентно ли «худо» данной вещи? Имманентно ли ей «добро»?»

Таковыми «сногшибательными» вопросами т. Сарабьянов может запутать разве только самых наивнейших, неискушенных людей в мире да еще, пожалуй, самого себя.

Что худо и добро не имманентны данной вещи, в том смысле, что они не существуют без отношения к человеку, ибо этими понятиями как раз и выражено отношение к субъекту, т. е. момент «субъективности» и «относительности» здесь обязателен — это ясно. Старик Спиноза еще в XVII столетии говорил, что понятие добра и зла и т. п. «не показывает ничего положительного в вещах, если их рассматривать самих по себе». «Одна и та же вещь, — писал Спиноза, — может быть в одно и то же время и хорошей и дурной, равно как и безразличной»¹⁾.

Но вот как раз то обстоятельство, что вещь, оставаясь самой собой, может вступать в различные

¹⁾ Спиноза, Этика, стр. 244.

отношения, и доказывает против Сарабьянова, что качество нельзя отождествлять с отношением. Товарищ же Сарабьянов берет отношение («хорошая лошадь», «добро и худо») и доказывает, что вот, мол, это есть «отношение», а посему, качество есть отношение.

Качество включает в себя отношение, но не сводится к нему.

«Вещь в себе, — пишет Ленин, — отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой»¹⁾.

«Вещь для нас» — это вещь, выступающая в отношении к нам, обнаруживающая для нас свои свойства, т. е., по Гегелю, такие «определения» вещей, через которые «они своеобразно сохраняют себя в отношении к другому».

Тов. Сарабьянов сводит качество к таким «субъективным определениям», как «хорошо», «плохо», «желательно» и пр. Он не замечает, что даже в этих «субъективных отношениях» присутствует момент объективности, ибо субъективное отношение имеет в своей основе, как свое необходимое условие, объективное качество вещей. Отождествляя качество и отношение, т. Сарабьянов закрыл себе дорогу к пониманию объективного смысла и качеств и отношений, к пониманию объективной истины.

¹⁾ Ленин, т. X, стр. 94.

Именно благодаря тому, что в наших представлениях отражаются не «условные», не человечеством обусловленные качества и отношения, а существующие вне и независимо от сознания, именно поэтому возможна объективная истина. Но именно поэтому же возможна и «субъективная» практика.

Наши представления дают человеку «биологически целесообразную ориентировку» потому именно, что они не «субъективны», а объективны, не нами «улавливаются», а отражают качественное разнообразие и качественную определенность окружающего нас мира.

Тов. Сарабьянов на каждой странице клянется «практикой». Никакая «практика» не была бы возможна, если бы содержание наших представлений было субъективным, а истина была бы «условной».

До каких геркулесовых столбов доводит т. Сарабьянов практически свой релятивизм, достаточно явствует хотя бы из следующих его рассуждений:

«Но не встаем ли мы на путь эклектизма, провозглашая правомерность постановки вопросов с точки зрения и этого класса, и другого, и пролетариата, и буржуазии?»

«Нет, несколько. Представим себе, что буржуазия, научно изучая законы общественного развития, познавая объективную необходимость, выступает в согласии с этой необходимостью против рабочего класса. Пролетариат выступает против

буржуазии. И тот, и другой действуют верным, научным методом. И буржуазия права, и пролетариат прав...

«Созерцатель-объективист пожмет плечами: чего борются? Ведь оба правы. Но мы — активисты. Мы скажем: именно потому, что буржуазия действует научными методами, что ее цели не утопичны, а научно обоснованы, мы должны еще решительнее бороться с буржуазией. Мир знает не одну правду, а множество их (курсив наш. — А. С.). Монархия разумна, но и борьба с ней тоже разумна, — говорил Герцен. — Не угодно ли выбирать!»¹⁾

Неправда, т. Сарабьянов! Не может быть одновременно в объективно-историческом смысле «разумна» и монархия, и борьба с ней. Борьба с монархией становится «разумной» как раз в тот момент, когда сама монархия становится «неразумной».

Неправда, что есть две правды — буржуазная и пролетарская, между которыми можно выбирать по совершенно субъективному произволу. Есть классовая точка зрения пролетариата, которая выражает объективную необходимость исторического развития, и точка зрения других классов, которая по линии этой объективно-исторической необходимости не идет.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925, № 12, стр. 188 — 189.

То, что проповедуете вы, т. Сарабьянов, это софистическая, субъективная «диалектика», которая прекрасно выражается в формуле так называемой «готтентотской морали»: хорошо, если я у тебя украл жену; плохо, если ты украл у меня. Это не есть точка зрения материалистической диалектики. Вы же именно так («по-готтентотски») понимаете диалектику.

Материалистическая диалектика требует объективной истины и объективных критериев. Подлинная диалектика требует, чтобы мысля, я «отрешился от моих субъективных особенностей, погрузился в предмет»¹).

У т. Сарабьянова нет диалектики, нет «самодвижения» этого «предмета». Диалектика переносится в субъект и становится «субъективной диалектикой», т. е. тем, что иначе зовется софистикой.

Исторический материализм знает основной объективный критерий объективно-исторического значения каждой данной классовой позиции: та позиция представляет собой выражение исторической «правды», которая способствует росту и развитию производительных сил человечества.

Подобно этому Энгельс в вопросе о морали не останавливается на том, что каждая система морали в классовом обществе есть классовая система

¹) Гегель, Энциклопедия, § 24.

и каждая права для себя. Нет, Энгельс, настаивая на классовом характере марксистских воззрений, считает нужным прибавить: «та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей продолжительную устойчивость, которая в данную минуту выражает точку зрения будущего, т. е. в данный момент — мораль пролетарская»¹⁾).

Таким образом, можно не только указать на классовый характер различных моральных систем, но дать им некоторую объективно-историческую оценку.

«Активность», борьба — и баста. На такую субъективистскую точку зрения становится т. Сарабьянов. Все специфическое отличие научного социализма, именно как научного, т. е. выражающего объективный смысл исторического развития, все это отличие научного социализма от всяких форм ненаучного социализма стирается, исчезает.

Буржуазия в наше время отрицает возможность объективной истины, объективной закономерности и пр., потому, что эта объективная истина в наше время не на ее стороне. Реакционный класс фальсифицирует науку, или вдается в скепсис, в агностицизм, в отрицание всякой науки. Объективную теоретическую мысль можно найти у прогрессивного класса.

¹⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, 1918, стр. 83.

Буржуазия отказалась от объективно-научных точек зрения (материализм XVIII столетия, классики-экономисты и т. д.) на известной ступени исторического развития, и «добросовестно»-теоретические традиции, методы принял и понес дальше пролетариат. Учение же о «двух правдах» — это вредная и теоретически ложная выдумка.

«Скептики пользуются диалектикой для того, чтобы доказать невозможность науки... С этой точки зрения все есть истина и все есть заблуждение».

«Современные «софисты» с их субъективной диалектикой не должны быть смешиваемы со сторонниками материалистической диалектики. По мнению психологистов, об одном и том же предмете возможны два прямо противоположных «мнения»¹⁾.

Это писалось некогда главным образом по поводу Богданова. Но это надо припомнить теперь.

В. И. Ленин писал, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывает при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».

Наоборот, релятивизм, несмотря на его претензии на «активность», устраняет необходимость выбора, ибо каждый по-своему прав и, значит,

¹⁾ Деборин, Введение, 1922, стр. 275.

оба неправы, и никакой объективной истины вообще нет.

Релятивизм в теории — это путь к беспартийности в политике.

Если отрицать возможность объективной истины и «законность» противопоставления объективной и субъективной истины, то это должно означать, что многообразие наших представлений не является отражением, «оттиском» в сознании объективного многообразия мира. Логически ни к чему другому, и не ведет субъективизм, отрицание объективной истины.

Что же получилось у т. Сарабьянова? Получилось, что качество — субъективно, что определенность бытия создается активностью сознания, есть продукт этой активности. А это означает, что «нет объекта без субъекта».

Перенести качество в субъект, сказать, что качества, качественный определенности бытия нет без сознания — это значит скатиться к чистому феноменализму. Тов. Сарабьянов вовсе не случайно проделывает теперь этот путь к феноменализму. Это вытекает из того непонимания диалектики, из той подмены диалектики «механикой», которая наблюдалась в писаниях т. Сарабьянова издавна.

Механисты считают (во всяком случае это объективно вытекает из их позиции, хотя бы они того и не сознавали), что «истинное бытие» присуще только количественным сочетаниям неких

однородных, т. е. бескачественных единиц. Количество — объективно, качество же — это есть субъективное нечто, существующее лишь в сознании. К этому сводится и проводимое механистами «чрезмерное» противопоставление так называемых первичных и вторичных качеств.

«Вторичные качества» с этой точки зрения — это исключительно субъективные.

На этой точке зрения стоит т. Сарабьянов. Он пишет:

«Красное» лишь субъективное бытие (бытие для меня), но объективно оно — небытие. То же самое со звуком. Мир беззвучен. То же самое с запахом. Нет в мире ни теплого, ни холодного, это тоже только мои ощущения»¹⁾.

Это очень напоминает известные слова Демокрита. Но что было гениально, было гигантским шагом вперед по пути научного понимания мира две с лишним тысячи лет назад, то ныне является шагом назад от научного, материалистического миропонимания. «Красное» вовсе не является объективно «небытием». Волна красного света не только «субъективно», но и объективно отличается от синей волны, по своему отношению к фотографической пластинке хотя бы отличается. Субъективного различия не было бы, если бы не было объективного.

¹⁾ Сарабьянов, Беседы о марксизме, изд. «Безбожник», М. 1925, стр. 17.

Так же все световые волны отличаются объективно от звуковых и пр.

«Мир беззвучен». Но если звук — нечто чисто субъективное, тогда зачем он нужен субъекту? Способность различать звуки, присущая животным, одним — в большей, другим — в меньшей степени, возникла в результате приспособления к объективным различиям мира. Что холод и тепло никак не являются чисто субъективными «признаками» — это мы можем прекрасно уяснить себе из того значения, какое имеет температура для всех химических реакций.

Конечно, ощущение тепла, света и пр. есть ощущение. Точно так же представление пространства есть представление. Но в обоих случаях содержание сознания есть лишь «оттиск», в коем мир запечатлел свои объективные «определения».

Если иметь в виду, понимание т. Сарабьяновым «вторичных качеств» как исключительно субъективных, то приобретает особый смысл и следующее противоречие между Сарабьяновым и Лениным в «формулировках» процесса познания.

«Процесс познания, — пишет т. Сарабьянов, — не есть процесс срисовывания, снимания копии, фотографирования, ибо образ вещи не похож на вещь, а соответствует ей»¹⁾.

Что здесь дело обходится без кодака и без фотографических пластинок — это ясно. Речь идет

¹⁾ «Беседы о марксизме», стр. 24.

не об этом, конечно, а о характере познания. Иное понимание у материалистов — Энгельса и Ленина — бьет в глаза. Так в книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин писал:

«Наши махисты, желающие быть марксистами, набросились с особой радостью на плехановские «иероглифы», т. е. на теорию, по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копию действительных вещей и процессов природы, не изображение их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п... Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отражениях вещей»¹).

Различие между Энгельсом и Лениным, с одной стороны, и Сарабьяновым — с другой, доказывается здесь текстуально. Это «текстуально» обнаруживаемое различие, противоречие можно было бы отнести за счет случайно неудачной формулировки т. Сарабьяновым своих мыслей, если бы в «безумии» т. Сарабьянова не проглядывала явственно своя система.

Это та система, которая учит, что качества условны и субъективны, — такие «качества», как живой человек и труд, борода и пушок, воронежский битюг и английский рысак...

¹) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Гиз, 1920, стр. 234. Курсив наш.—А. С.

Мир бесконечно разнообразен, — говорит т. Сарабьянов.

Мы, люди, берем этот мир, отбрасываем одни его свойства, извлекаем другие — и так создается качественная определенность. «Определить качество — это значит рассмотреть вещь не во всех связях, а в определенных», т. е. опять-таки нет качества вне субъекта.

Рассуждения т. Сарабьянова здесь крайне напоминают т. Луначарского, который точно так же писал, что, рассматривая среду, человек «выделяет из нее лишь те элементы, которые так или иначе затрагивают его жизненные интересы... остальное он фатально игнорирует, оно равно для него небытию»¹⁾.

Интересно, между прочим, здесь отметить, что т. Сарабьянов все время настаивает на том, что нельзя, не нужно брать вещь во всех «связях и опосредствованиях», но лишь в некоторых определенных. Наоборот, тов. Ленин писал в свое время, что диалектика требует прежде всего, чтобы знать предмет, «охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». «Мы никогда не достигнем этого полностью, — пишет Ленин, — но

¹⁾ А. Луначарский, От Спинозы до Маркса, стр. 113. Сравните это с такими словами т. Сарабьянова: «Мы должны изучать вещь в тех связях, в тех опосредствованиях, которые нас (личность, партию, класс, общество...) в данном случае... интересуют» («Беседы о марксизме», стр. 37).

требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения»¹⁾.

В данном случае естественно, что Ленин настаивает на требования «всестороннего охвата»: для него «связи и опосредствования» вещей, определенность этих вещей, — объективна, не зависит от человека. С другой стороны, «естественна» и позиция т. Сарабьянова (и т. Луначарского), так как для него самая определенность вещи только и создается в результате активного «обусловления» мира сознанием. «Абстрагироваться от ряда отношений, рассматривать вещь лишь в определенных связях и в определенных ее свойствах дает нам возможность установить ту самую точку «покоя», без которой ответ по формуле «да-да» или «нет-нет» немислим»²⁾.

Мир вещей в себе оказывается лишенным определенности. Это — кантовский мир непознаваемых «вещей в себе». И то, что этот мир все же признается как где-то, как-то существующий, — это не более как непоследовательность, за которую самого Канта некогда окрестили «трех-четвертеголовым».

«Определить качество — это значит рассмотреть вещь не во всех связях, а в определенных». — Так пишет т. Сарабьянов. — «Почему мы выбираем,

1) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 60.

2) «Под знаменем марксизма», 1925, № 12, стр. 191.

какие его свойства учитывать, от каких абстрагироваться? Потому, что мы активные субъекты, что мы преследуем цели»¹⁾.

«Активный класс, активный субъект, опираясь на «аквизит» человечества, которое изучало вещь в различных отношениях, всегда рассматривает ее в определенных связях, в определенных отношениях и поэтому, получает возможность определить качество»²⁾. «В каком отношении надо рассматривать вещь — это вопрос не теории вообще, не принципа вообще, а теории конкретной практики (?), практики конкретного субъекта. Первый тезис Маркса говорит именно об этом»³⁾.

Тов. Сарабянов не понимает, почему упрекают его в неправильном толковании первого тезиса Маркса. Неправильное толкование заключается в основе в том, что в то время как Маркс имеет в виду деятельность субъекта в смысле историческом («революционная, практически-критическая деятельность»), Сарабянов ставит вопрос об активности субъекта в плоскости гносеологии. По Сарабянову, выходит, что «активный субъект» творит качественную определенность мира. По Марксу же этого никак предположить невозможно, ибо Маркс материалист, а это есть и деализм чистой воды.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 12, стр. 193.

²⁾ Там же, стр. 186.

³⁾ Там же, стр. 186.

Конечно, у идеалистов субъект гносеологически активен, ибо сознание создает бытие. Сарабьянов берет у идеалистов именно это. Маркс же берет в первом тезисе другую сторону, которую развивала до него классическая немецкая философия, главным образом в лице Фихте и Гегеля. Это — «активность» самого объекта, его «самодвижение», развитие и историческая активность человечества в его развитии, в его «самодвижении», поскольку человек, воздействуя на природу, вне его, изменяет тем самым природу и самого себя.

Совершенно в духе «первого тезиса» пишет Энгельс в «Диалектике природы»:

«Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа, как таковая, и разум человека, развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу»¹⁾.

Здесь ясно говорится об историческом процессе развития, а не о гносеологическом отношении мышления и бытия.

Что значит гносеологически рассматривать субъект, сознание, как активное, первоначальное

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. II.

творческое, — это т. Сарабьянов может видеть на примере своего субъективизма и «активного релятивизма», по которому субъект создает качественную определенность мира, т. е. собственно самый мир в его определенности.

Именно в этом своем субъективно-идеалистическом духе и пытался истолковать Маркса т. Сарабьянов, когда писал:

«Считается долгом научной чести высказаться против антропоцентрического отношения к миру. А между тем, именно к этому, если угодно, антропоцентризму, к субъективизму звал Маркс в цитированном выше тезисе о Фейербахе». «Решение вопроса о качестве вне «антропоцентрической» постановки его невозможно»¹⁾.

Вот с этим толкованием Маркса мы не согласны и никогда не согласимся, ибо это значит превращать Маркса в релятивиста, субъективиста, каким он не был.

«Активный релятивизм» — это не более, как *sui generis* волюнтаризм, т. е. идеализм.

Тов. Сарабьянов возвращается в этом смысле к старику Фихте.

Фихте был продуктом буржуазной революции. У Фихте не мало можно найти привлекательного. «Действовать! Вот для чего мы здесь!» Как

¹⁾ В. Сарабьянов, Основное в едином..., стр. 102 и 103. Курсив наш. — А. С.

идеалист, Фихте распространяет это «действовать!» в область гносеологии. «Для идеализма интеллигенция (т. е., собственно, сознание, тождественное с бытием) есть деятельность (Thun) и ничего более».

Подобно Фихте и Шеллинг в эпоху его близости с первым писал весьма «революционные вещи»: «Мое назначение в критицизме—стремиться к неизменной самодеятельности (Selbstheit), безусловной свободе, неограниченной деятельности»¹).

Тов. Сарабьянов все время, на каждом шагу, клянется «практикой». Он, например, пишет:

«Но есть ли бессубъективное изучение — бесполезное созерцание, потому бесполезное, что это созерцание не имеет практической цели, определенной пользы для изучающего или для его партии, класса, государства. Что значит объективно, только (?) объективно изучать вещь. Это значит изучать ее во всех ее связях, во всех ее опосредствованиях, выражаясь по Ленину. Но это совершенно невыполнимое дело...»²).

Во-первых, обратите внимание на это прямо противопоставленное Ленину отрицание необходимости изучать вещь «во всех связях и опосредствованиях».

Во-вторых, — это прямо противоположное марксизму отношение к необходимости объективного

1) Шеллинг, Новые идеи в философии, сб. 12, стр. 120.

2) В. Сарабьянов, «Беседы о марксизме», стр. 36.

изучения (ср., например, Ленина: «Центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс»¹).

В-третьих, замечательно это противопоставление у т. Сарабьянова практического значения изучения, познания и его объективного характера. Это противопоставление, связанное логически с волонтаризмом, с субъективизмом, характерно не только для т. Сарабьянова.

Марксисты уже указывали на то, что, с точки зрения материалистической, апелляция к практике законна, разумна, основательна только в том случае, если мы признаем объективную истину. Именно объективный характер нашего познания делает его практически полезным.

Мах в одном месте писал: «Акушерка такого еще не было, который помог бы родам при помощи четвертого измерения».

По поводу этого Ленин замечает:

«Прекрасный аргумент — только для тех, кто видит в критерии практики подтверждение объективной истины, объективной реальности нашего чувственного мира. Если наши ощущения дают нам объективно-верный образец внешнего

¹) В. Ленин, Теория и практика, М. 1924, стр. 217. Курсив наш — А. С.

мира, существующего независимо от нас, тогда этот довод с ссылкой на акушера, с ссылкой на всю человеческую практику годится. Но тогда весь махизм, как философское направление, никуда не годится»¹).

Как это непохоже на противопоставление точки зрения практики и объективного метода, каковое имеется у т. Сарабьянова! Здесь (у Ленина) — синтез, там (у Сарабьянова) — разрыв.

Точка зрения практики, «активного субъекта», базирующаяся не на объективном материалистическом, диалектическом методе, а на субъективизме, как у т. Сарабьянова, — это и есть идеалистический волюнтаризм, к которому склоняется наш философ. Эта старая красавица (я говорю о волюнтаризме, а не о т. Сарабьянове) думает, повидимому, теперь подрумяниться и выступить молодухой. Дело марксистов разоблачить этот маскарад, чтобы новые наряды «актуализма» в философии не обманули добрых людей насчет его старой, гнилой идеалистической сущности.

¹) Ленин, Теория и практика, М. 1924, стр. 163.

ФИЛОСОФИЯ «КАЧЕСТВА» И КАЧЕСТВО ФИЛОСОФИИ НЕКОТОРЫХ МЕХАНИСТОВ

I. «Качество» в системе категорий

Философия ставит своей задачей осмыслить, анализировать, привести в связь те основные понятия, которыми оперируют все отдельные «положительные науки». Различные категории, которые в своей совокупности составляют как бы основной костяк науки, лишь в философии получают свое более или менее завершенное определение. Таким образом, сама философия становится всеобщей «алгеброй науки».

«В основе всякого научного познания лежат основные понятия, имеющие характер категорий» (Деборин).

Никакая наука не возможна без использования этих «основных понятий», без определенной точки зрения на их общее значение, на их «сущность». Другое дело, что эта точка зрения может быть последовательной или непоследовательной, эклектической; может быть продуманной, критической

или бессознательно положенной в основу научной работы.

Философия — это всегда более или менее упорядоченное, более или менее приведенное в систему воззрение на категории мышления (с точки зрения диалектического материализма, они являются, конечно, отражением «категорий бытия»).

Тем самым сказано, что каждый ученый в области той или иной другой частной науки не обходится без той или иной философии, хотя бы он этого и не сознавал.

В этом смысле Энгельс говорит: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы»¹⁾.

Каждая категория выражает ту или иную сторону действительности, ту или иную сторону мышления. Но мышление развивается, и в меру развития мышления та или иная категория выдвигается в теории на первый план, оказывается методологически важнейшим или впервые выдвигается и осознается. Так, у Аристотеля центральной является категория субстанции (вещи), а у Канта — категория отношения, синтеза. Гегель же впервые обосновал и на первое место выдвинул категорию развития, которая предполагает также другой основной принцип гегелевской философии — конкретное тождество (единство тождества и различия).

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. II., стр. 191.

Аристотель, Кант и Гегель в истории научной разработки категорий как основных принципов бытия и мышления (для Аристотеля — это преимущественно принципы бытия, для Канта — мышления, а для Гегеля — того и другого вместе) являются основными вехами. Уже для Аристотеля его логика была научной методологией. Кант стремился своей системой подвести базис под естествознание своего века. А. Гегель, опирающийся в первую очередь на «науки о духе», т. е. на общественные науки и действительную историю общества, впервые сделал возможным научное понимание истории общества, как и развития вообще, во всех областях жизни.

Без диалектики Гегеля невозможна законченно-последовательная, теоретически-завершенная научная методология — методология диалектического материализма, марксизма. «Без немецкой философии не было бы и научного социализма», — говорит Энгельс, и повторяет Ленин. Правда, в наши дни из Гегеля думают сделать жушел, и в государственном научно-исследовательском институте СССР можно слышать возмущенные возгласы по адресу Гегеля.

«И подобного рода философы объявляются предтечами революционного марксизма»¹⁾. Но это

¹⁾ Из речи Боричевского на заседании Тимирязевского научно-исследовательского института 8 февраля 1925 г. Надо отдать справедливость нашим ученым естествоиспытателям, что даже

свидетельствует лишь о невероятной путанице и о теоретическом отступлении от марксизма некоторых «горе-марксистов».

То новое, что вносит Гегель в исследование категорий в отличие от своих предшественников, сводится в основном к следующим двум моментам: 1) он берет их в их конкретной противоречивой природе, благодаря которой 2) они должны рассматриваться в их взаимной связи, вне которой они в действительности не существуют.

У Канта категории — это некие вечные засгывшие сущности, стоящие рядом и никогда не сливающиеся, синтез которых едва намечается в форме некоторой триады.

У Гегеля категории живут, развиваются, так как они отражают живое движение действительности и историческое развитие науки.

Так, категории, выражающие непосредственное бытие, качество и количество, у Аристотеля и Канта лишь чисто внешним образом объединяются в третых — в субстанции (Аристотель) или в трансцендентальной апперцепции (Кант). У Гегеля же «истина бытия» есть мера, т. е. единство качества и количества: качество и количество

на этом собрании, где большинство принадлежало «механистам», сторонникам т. Степанова, такое заявление Боричевского было встречено смехом. См. «Механистическое естествознание и диалектический материализм», 1925 г., стр. 51.

нераздельны, и каждое в своем определении включает свое — противоположное.

«Обыкновенно, — говорит Гегель, — полагают, что качество и количество суть два совершенно самостоятельные, одно от другого независящие определения, и потому говорят, что вещи определяются не только качественно, но и количественно». «Но количество есть не что иное, как отрицание качества, и качество отрицает себя вследствие своей собственной диалектики»¹⁾.

Мы подробнее остановимся в дальнейшем на этом отношении категорий «качества и количества». Здесь существенно то, что Гегель в данном случае, отвечая потребностям науки, завершает предшествовавшее развитие, сохраняя и синтезируя то, что философия и положительная наука разрабатывали до него.

Из основных определений непосредственного бытия Аристотель выдвигает на первый план качество, Кант — количество, Гегель — их единство — меру.

Конечно, это не является прихотью великих философов, но отражает общее развитие теоретической мысли, которая от «стихийной диалектики» (Энгельс) древних через схоластическую науку средневековья и математическое естествознание «нового времени» — шла к осознанной диалектике

¹⁾ Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 173.

Гегеля и Маркса и к — увы — еще далеко не осознанной диалектике современного естествознания.

«Так как греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то всеобщая связь сущего у них рассматривается еще как целое, в общем и целом.

Всеобщая связь явлений в мире еще не доказывается в подробностях: для греков она является результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками»¹⁾.

Но уже в недрах греческой культуры зародились те метафизические представления, которые потом достигли своего полного развития в философии средневековья. Разрозненные, самодовлеющие, неизменные метафизические качества, инертные, как и лежащая в их основе субстанция, — вот что характеризует науку средневековья. Четыре основных «материи» — земля, вода, воздух и огонь — представление, державшееся два тысячелетия, исходящее еще от Эмпедокла и поддерживавшееся авторитетом «единственного философа» средневековья — Аристотеля. Восемьдесят «хрустальных сфер» небесной тверди, бесконечные

1) «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 129.

субстанций, обособленные и самодовлеющие «материи» и «формы», силы и сущности; иерархия и субординация в области понятий и категорий.

Вполне естественно, что когда экономическое развитие выдвинуло новое естествознание и новые формы мышления, реакцией на метафизику «качественного рационализма» схоластики явилась метафизика «математического рационализма» (особенно у Лейбница) — с одной стороны, голого эмпиризма (английская философия) — с другой.

Естественно также, что исследование начинается с «качества» вещей, т. е. их наиболее общих определений. Качество — это первая ступень каждой эмпирической науки. Но только измеренное — изучено, как говорит Гегель. Количественное исследование — вторая ступень изучения. Физика окончательно становится на этот путь примерно с Галилея. Химия — с Лавуазье, ниспровергнувшего теорию флогистона и тем открывшего новый период в истории химии.

Семнадцатый век можно назвать «золотым веком» «количественной реакции». Великие философы являются в это время и великими математиками. Декарт основывает аналитическую геометрию, Лейбниц — дифференциальное и интегральное исчисление.

Метафизический момент при этом заключается в попытке универсализировать математический метод, представить его единственным и исчерпы-

вающим, в забвении значения также и качественного, материального анализа и объяснения. Таким образом, мир снова схематизируется, умерщвляется, но уже не во множестве несводимых качеств и сущностей, а в абстрактном безразличии всеобщего тождества.

Математика,—говорит Декарт,—«это наука вообще». Все прочие науки являются лишь ее частями. Единственно-истинные, объективные определения материи — это пространственные, количественные определения. «Природа материи, т. е. тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что тело — это вещь твердая, весомая, окрашенная или как-либо иначе возбуждающая чувство, но лишь в том, что оно — вещь протяженная в длину, ширину и глубину».

Соответственно с этим Декарт рассматривает животное, организм, как машину, и является предшественником не только Ламеттри, но и всех современных «механистов», вплоть до гг. Степанова, А. К. Тимирязева и В. Сарабьянова, который считает, что «душа есть физическое свойство живого организма» и что «в основном материализм отличается от других учений признанием, что все действия живого организма есть действия машины, механизма»¹⁾.

¹⁾ В. Сарабьянов, Веседы о марксизме, 1925, стр. 14 и 15.

Со всем этим теснейше связано и то деление качеств на объективные — «первичные» и чисто субъективные — «вторичные», которое уже совершенно отчетливо проведено у Галилея в его «Диалогах» и которое через дуалиста Локка приводит к «классическому» субъективному идеализму Беркли.

Мы еще вернемся к вопросу об этой связи отвлеченно-количественной методологии механистов с учением о чистой субъективности «вторичных качеств», которое ныне защищается и В. Сарабьяновым и Л. И. Аксельрод, на которую т. Сарабьянов в данном случае ссылается и которой ныне угодно было возглавить пеструю армию философских путаников и ревизионистов от марксизма.

Было бы более чем близоруким педантством «упрекать» Декарта за его «механизм» или Ламеттри — за его «Человека-машину». Исторически они были «правы», поскольку их воззрения означают гигантский шаг вперед от прошлого. Совсем другое дело, когда ныне пятятся назад к односторонне-количественному и механическому пониманию после Гегеля и Маркса...

Кант сделал грандиозную попытку обосновать материалистическое естествознание и устранить разрыв чувственного многообразия качеств и априорного единства математических принципов, объединить математический и эмпирический методы в высшем синтезе «трансцендентального». Как

известно, по существу дело свелось к отнесению в сознание вслед за «вторичными» и так называемых «первичных качеств».

Пространство и время, качество и количество, причинность и субстанциональность и проч. были признаны исключительно категориями рассудка, не имеющими отношения к абсолютному бытию вещей самих по себе. Таким образом, единство было объявлено как чисто субъективное по существу единство трансцендентальной апперцепции.

Гегель устранил дуализм субъективного и трансцендентного, перенес единство и связь категории в объективную действительность. Но он сделал это в извращенной идеалистическими предрассудками, в «мистифицированной» форме, прежде всего, поскольку сама действительность является для него лишь отражением и д. е. и. Но, как сказал еще Маркс, «мистификация, которой диалектика подвергается в руках Гегеля, нисколько не мешает тому, что он впервые изобразил всеобъемлющим и сознательным образом всеобщие формы движения».

В частности, это не мешает тому, что он дал прекрасный, единственный в своем роде, анализ категорий качества и количества в их конкретной противоречивой природе, в их связи и взаимных переходах, в их единстве. Тем самым была дана база для научной методологии, и ныне было бы смешно пытаться метафизически рассматривать две эти категории абстрактно, изолированно, или

пытаться признать лишь одну из них, как имеющую объективное значение.

Хотя истина заключается только в единстве качества и количества, мы здесь думаем остановиться преимущественно на категории качества потому, что именно на этой категории свихнулись некоторые современные «ученые марксисты», застрявшие на механическом миропонимании.

2. «Качество как таковое»

Существуют такие любители определений, которые думают, что все дело заключается в умении в одной ловкой фразе дать твердое, законченное определение предмета или понятия. Вот т. Сарабьянов особенно печалует на то, что «в марксистской литературе определения качества не существует». При этом т. Сарабьянов утверждает: «и Гегель, и Маркс с Энгельсом, и Плеханов широко использовали категорию «качества», как метода, т. е. оружия изучения, но мало уделили внимания самому оружию».

Здесь прежде всего пикантно замечание по адресу Гегеля. Откуда т. Сарабьянов знает, занимался ли Гегель анализом понятия «качества»? Если бы знал, конечно, не сказал бы того, что сказал.

Затем, «мало уделили внимания»—это значит не дали никакого застывшего определения, ибо ясно, что «жизнью» качества, его связью с количеством, его переходами и пр. и Энгельс, и другие

марксисты занимались достаточно. Но теория диалектики вообще учит, что определения всегда могут лишь приблизительно отражать предмет, имеют лишь относительную ценность, так как не могут охватить всего богатства действительности. Даже Иммануил Кант, философ весьма педантический, нашел возможным обойтись без определений тех категорий, с которыми имел дело в своей философии. «От определения перечисленных категорий,—пишет Кант,—я намеренно воздерживаюсь в настоящем исследовании... Здесь они только отвлекали бы от главного пункта исследования, возбуждая сомнения и нападки, которые лучше отложить, нисколько не вредя нашей цели по существу»¹⁾.

Повидимому, примерно так же рассуждали Энгельс, Плеханов и др. Но поскольку в наше время некоторыми «марксистами» вносится невероятная путаница, поскольку, в частности, качество при этом сводится иногда к «отношению» или еще к «отношению свойств», приходится в той или иной мере выяснить различие таких категорий, как «качество», «отношение», «свойство», имея в виду дать приблизительное определение «качества».

Наиболее полный анализ категории «качества»—и при этом с диалектической точки зрения—дал Гегель.

¹⁾ Кант, Критика чистого разума, 1915 г., стр. 76.

Но, как это известно теперь каждому рабфактовцу, «первородный грех» Гегеля заключается в идеалистическом исходном пункте его системы. Это отражается и на исследовании категорий в «Логике» Гегеля. Категория «качества» есть категория бытия, что несомненно. Но Гегель, выводя эту категорию, опирается на такой исходный пункт, как абстрактное бытие без всяких дальнейших определений.

Что попытка исходить из чистой абстракции неудачна, это мы знаем со времени Фейербаха прекрасно. И если теперь т. Васильев пишет, что «основная ошибка Гегеля заключается в том, что он начинает с мыслимого бытия» и что из абстрактных «бытия и ничто» нельзя вывести становления¹⁾, то он только повторяет то, что не раз говорилось даже самыми патентованными идеалистами. Например, такой «философский черносотенец» (по выражению Ленина), как проф. Лопатин, пишет: «Содержится ли признак перехода в самых понятиях бытия и небытия, отвлеченно взятых? Достаточно углубиться в их взаимное логическое отношение, чтобы заметить, что никакой идеи о движении в них не усматривается»²⁾ и т. д.

Все это верно само по себе. Едва ли кто-нибудь лучше, чем сам Гегель представлял себе, что его

¹⁾ «Диалектика в природе», сборн. Вологда, 1926, стр. 85.

²⁾ Л. М. Лопатин, Положительные задачи философии, ч. I, 1911 г., стр. 378.

абстрактное «бытие вообще» есть именно только абстракция, тем более, что именно Гегель всей своей логикой доказывает, что категории не имеют «истины» в их абстрактности. Чистое бытие есть чистая мысль, говорит Гегель. Но может ли мысль начинать с «чистого бытия»? Нет, не может. Это и доказывает совершенно справедливо Л. Фейербах в своей критике философии Гегеля.

Что ценно у Гегеля, — это обнаружение противоречивой природы всякого бытия, заключающего в себе и реальность, и ограничение, «бытие и небытие».

«Истина бытия и небытия — это становление» — верно это или нет? Я думаю, что верно. Истинным началом является и у Гегеля (в «Феноменологии духа»), как и в мышлении вообще, — эмпирическое многообразие действительности.

Именно поэтому Плеханов имел полное основание сказать: «Гегелева логика вовсе не есть порождение чистой мысли; она создана предварительным абстрагированием от природы... В диалектике Гегеля почти все взято из опыта».

Потому-то именно и ценна гегелевская логика; потому-то и недостаточно отмахнуться от нее ссылкой на «идеалистический исходный пункт».

Итак, абстрактное бытие ни в мышлении, ни в действительности не предшествует конкретному бытию и становлению. Но и абстрактно-эмпирическое «здесь» и «теперь», исходные моменты

«Феноменологии духа», тоже не могут быть началом. Наконец, и само «становление», изменение вообще — тоже не может быть первым для сознания. Сознание охватывает изменение, поскольку оно уже сравнивает, различает определенные моменты непосредственного бытия. Нет представления об изменении, где нет перцепирования качеств, ибо сознание должно на чем-то фиксироваться, чтобы стало возможным сравнение и различение.

Таким образом, если рассматривать вопрос субъективно, а категории как мыслительные, то качество есть то, что сознание выделяет из общего потока бытия как относительно устойчивое. Тем самым сказано также, что определение этой столь общей «категории» может носить только весьма общий характер.

«Все течет» — эта истина явилась как результат опыта. Но она недостаточна. Здесь еще не на чем остановиться. Здесь нет еще никакого «утверждения», одно отрицание. Нет «наличного бытия», нет никакой определенности, никакой опоры... «Наличное бытие», определенное, конкретное бытие, эта истина всякого бытия, возможно только как отрицание этой абсолютной текучести, этого голого отрицания. «Нечто есть первое отрицание отрицания», — говорит поэтому Гегель. «Отрицание» в диалектическом смысле, конечно, не уничтожает становления, но, преодолевая, сохраняет его.

Гераклит говорил: «Мы не можем спуститься два раза по одной и той же реке». Другой философ, Кратил, добавлял, что нельзя этого сделать и однажды. По поводу последнего Плеханов замечает: «В таких суждениях элемент наличного бытия как бы отменяется элементом становления. — Это злоупотребление диалектикой, а не правильное применение диалектического метода»¹⁾.

Нечто, определенное «наличное бытие» — это и есть качество²⁾, вернее, оно неразрывно с качеством, ибо качество — это есть та самая определенность, которая делает «нечто» тем, что оно есть, и без которой этого «нечто» нет вовсе.

То злоупотребление диалектикой, о котором говорит Плеханов и которое за изменением не видит устойчивого, приводит к абсолютному релятивизму. Между тем «в природе нет ни абсолютного постоянства, ни абсолютной изменчивости, ни абсолютного бытия, ни абсолютного становления»³⁾.

Это постоянство или устойчивость в изменчивости и есть то, что делает возможным определенное бытие, опре-

¹⁾ Плеханов, Предисловие к «Людвигу Фейербаху» Энгельса, Петербург, 1919 г., стр. XXIII.

²⁾ См. напр., заметки Ленина при чтении «Науки логики». «Наличное бытие — есть определенное конкретное бытие — качество». «Под знаменем марксизма», 1925, № 1—2, стр. 21.

³⁾ Деборин, Философия и марксизм, 1926, стр. 298.

деленность которого, делающая его тем, что оно есть, и есть его качество.

Я взял сначала субъективную сторону дела: устойчивое в представлении. Но устойчивое возможно в представлении только потому, что оно имеется в объективном мире.

Естествоиспытателям прекрасно известно значение момента «устойчивости».

Я могу здесь сослаться хотя бы на Дж. Дарвина. «В мире жизни, — говорит он, — натуралист называет устойчивые и сохраняющиеся формы видами; подобным же образом физик говорит об устойчивых внешних формах (конфигурациях) или способах движения материи, а политик говорит о государствах. В основе всех этих представлений лежит идея устойчивости или способности сопротивляться разложению».

И далее, в другой статье:

«Законы, регулирующие устойчивость, прочно установлены в самых разнообразных областях; они приложимы и к движениям планет вокруг солнца, и к внутреннему расположению тех мельчайших частичек, из которых построен каждый химический атом, и к формам небесных тел». — «Решение проблемы эволюции связано с отысканием тех постоянных и устойчивых форм, которые биологи называли бы видами»¹⁾.

¹⁾ «Философия науки», сб. под ред. А. К. Тимирязева, ч. 1, стр. 90, 121, 106.

Дж. Дарвин в статьях, которые мы здесь цитируем, подробно останавливается на вопросе об устойчивости на примерах отношения луны и земного шара и о происхождении двойных звезд. При этом, он дает также и картину перехода одного «качества» к другому. Так он рассматривает модель идеальной жидкой планеты, которой сообщается ускоряющееся вращательное движение. «Ее устойчивость, — пишет он, — уменьшается с увеличением скорости вращения, и, наконец, мы достигаем стадии, на которой устойчивость исчезает. В этот момент форма ее представляется переходной, являясь началом нового вида, с чертами, отличными от предыдущей и с весьма слабой устойчивостью или способностью к длительному существованию. Если мы сообщим ей еще большую скорость вращения, устойчивость нового вида возрастает до максимума и затем начинает падать, пока не образуется новой переходной формы и не возникнет нового вида. Таким путем мы переходим от вида к виду со все возрастающей скоростью вращения»¹).

Аналогичные явления, замечает Дж. Дарвин, наблюдаются и в истории человеческого общества.

Излишне было бы продолжать ссылки на естествознание. Совершенно ясно, что в природе изменчивость и постоянство взаимно сочетаются.

¹) «Философия науки», сб. под ред. А. К. Тимирязева, ч. 1, стр. 106.

Соответственно с этим и в теории диалектики изменчивость («становление») является первым отрицанием метафизической неподвижности формально логических представлений, первой истиной, но не единственной, не последней.

Второй истиной, первым отрицанием отрицания, «утверждающим» в изменчивом относительно устойчивую, является «качество», «определенное бытие», Dasein, в терминологии Гегеля. Таким относительно постоянным, относительно устойчивым являются различные формы движения и различные сочетания материи, отдельные роды и виды явлений и отдельные тела, вещи, — словом все, что имеет какое-нибудь определенное бытие.

Гегель определяет качество как «тождественную с бытием определенность, так что все существующее перестает быть тем, что оно есть, когда теряет свое качество»¹).

В общем это — прекрасное, достаточно широкое определение, но оно нуждается в некотором дополнении с точки зрения материализма. Ибо что такое определенность? И что такое «ничто» («чем оно есть»)?

Субъективно — это то, что позволяет устанавливать сходство и различие, создает самые общие предпосылки для упорядоченных представлений. Объективно, в материальном мире, это относи-

¹) Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 143.

тельно устойчивые формы движения или сочетания материи — устойчивость которых выражается: 1) в более или менее постоянном характере изменений движения, которому они сами подвержены, 2) в более или менее сохраняющемся характере изменений, которые вызываются ими в других вещах, с ними соприкасающихся. Но изменения в пределах данного качества, изменения, не разрушающие данной, относительно устойчивой формы, называются Гегелем количественными изменениями, в чем бы они ни выражались.

В отличие от изменения самого качества, — это изменение тех или иных пространственно-временных определений «нечто» (величина, скорость и проч.) или интенсивности их.

Процесс количественного изменения вещи не есть нечто неопределенно другое по отношению к ее качеству, но определяется качеством вещи и является существенным моментом в определении самого качества.

«Количество, — говорит Гегель, — есть такая определенность, которую бытие имеет вне себя и к которой оно равнодушно; так, например, дом остается чем он есть, будет ли он больше или меньше, и красное остается красным, будет ли оно светлее или темнее» (там же).

Качество не исключает изменения в своих пределах. Наоборот, оно «включает в себя изменчивость без изменения самой вещи» («Наука логики», стр. 28).

Интенсивность качества, степень — это количественные определения, не связанные (в известных пределах: количество же «переходит в качество», т. е. приводит к изменению качества) с бытием вещи, как таковой.

Наоборот, качественная определенность — «одно о ее бытием»¹⁾.

Совершенно в этом же духе пишет Л. Фейербах:

«Только определенное бытие есть бытие». «Отнимите у бытия определенность, и вы не оставите мне более и бытия». «Если вы у человека отнимете то, посредством чего он является человеком, то без всякого затруднения вы можете доказать, что он не человек».

«Единственным различием, границей между бытием и ничто — является определенность. Если я вычитаю содержание того, что есть, что будет представлять из себя это «есть»?²⁾.

Все это Л. Фейербах направляет против представления о бытии, совершенно абстрактном, бескачественном, с которого Гегель начинает свою логику.

¹⁾ Гегель, Наука логики, перевод Дебольского, стр. 28.

²⁾ Л. Фейербах, Сочинения, т. I, Гиз, 1923, стр. 19 и 131.

Но поскольку Гегель говорит о конкретном бытии, он как раз и доказывает, что, «благодаря своему качеству, нечто есть то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть, чем было». Таким образом, «качество есть неразрывная с конкретным бытием определенность».

Более полным и точным формулировкам определение «качества» поддается с трудом. Гегель сам признавал это. Поэтому он пишет: «определенность, изолированная так для себя, как сущая определенность, есть качество — нечто вполне простое, непосредственное... Вследствие такой простоты о качестве, как таковом, ничего нельзя более сказать»¹⁾.

Качество — это определенность. Но определенность бывает и количественная. Изменения в пределах одного качества не прекращаются. Но это и есть то, что называется количественным изменением.

В том разрезе, в котором мы берем мир и его изменчивость, эта последняя может быть или качественной, или количественной.

Каковы обычные примеры «качеств» у Гегеля? В «Энциклопедии», в отделе о качестве, он называет: кислород, азот, луг, лес, пруд и проч. (стр. 162 и др.).

Каждая вещь есть синтез качественных и количественных определений. Но то, что делает ее именно данной вещью — это ее качество.

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 51.

В одной из своих статей т. Сарабьянов пишет: «Ведь т. Столяров без раздумья относит к различным качествам лошадь и корову, зерно и «продолжение» зерна — стебель. По нему, весь мир объективных явлений в каждый данный отрезок времени есть совокупность определенных качеств, количественно изменяющихся».

То обстоятельство, что сам т. Сарабьянов думает иначе, только подтверждает, что он не признает объективности качеств.

Вполне естественно, что мы в обычном словоупотреблении называем «качествами» то самые вещи, то свойства вещей. Одного ведь не существует без другого. Но единство нельзя превращать в безразличное тождество. Посему отождествление качества со свойствами, хотя и годится в качестве обычного словоупотребления, становится ложным, если на нем настаивать, как на полной истине.

Из сферы определений «непосредственного бытия» мы вместе с вопросом о вещи и ее свойствах вторгаемся в сферу «определений рефлексии».

Таким же вторжением является и определение качества как «формы». Это определение закономерно вообще, поскольку как субстрат, как «содержание» этой формы берется материя вообще или реальность вообще.

Так т. Деборин пишет в одной из недавних статей: «Каждая новая ступень составляет новый

синтез, новую форму опосредствования движущейся материи. Смена форм и сводится прежде всего к качественному изменению; качественное изменение и перемена формы — одно и то же»¹⁾.

Это не исключает того, что качество относится к содержанию и непременно его предполагает. Диалектика как раз и учит, что форма и есть форма определенного содержания и не существует без него так же, как и обратно.

Форма и содержание соотносительны и меняются местами. Форма статуи сама становится ее «содержанием» и т. п. Мы говорим поэтому о качестве как формы, так и содержания (например, книги, стихотворения и пр.).

Выражаясь в «гегельянских» терминах, каждая категория «рефлексии» предполагает все категории «непосредственного бытия». Поэтому также «непосредственное существование (т. е. и качество.—А. С.) есть определенность как формы, так и самой материи», говорит Гегель²⁾.

3. Качество, отношение и свойство

Следует вообще признать, что «категории бытия», как они развиты у Гегеля, нельзя ни вывести, ни понять без «категорий сущности» или рефлексии. Гегель впадает здесь в самообман,

1) «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 10—11, стр. 34.

2) Гегель, Энциклопедия, т. 1, стр. 237.

если думает (а именно в этом смысле он высказывается), что в первом отделе его «Логики» действительно даны только «внешние переходы», а той «диалектики отношений», которую он развивает лишь во втором отделе, здесь еще вовсе нет.

Здесь повторяется то противоречие, которое в свое время вскрыл у Гегеля Фейербах: то, что в изложении «Логики» формально есть начало, то вовсе не является началом в действительности и даже в мышлении.

Фейербах писал, что философия Гегеля содержит противоречие «между сущностью и формой, между мыслимым и написанным». Конец, т. е. вся полнота абсолютной идеи, предполагается уже вначале, хотя по видимости она должна быть выведена из «саморазвития понятий начиная с самого абстрактного и непосредственного». «То, что Гегель предполагает в качестве посредствующих звеньев и членов, то он уже мыслил как нечто определенное идеей»¹). «Бытие — это уже действительность идеи, бытие — это не что иное, как идея в своей непосредственности, поэтому незнание идеи о самой себе вначале, это в смысле идеи, только ироническое незнание»²).

В конечном счете, по отношению к гегелевской системе это означает, что чисто логическое выве-

1) Л. Фейербах, Сочинения, т. I, стр. 21.

2) Там же, стр. 23.

дение понятий немислимо, а это разрушает гегелевский «панлогизм», т. е. базис самой законченной идеалистической философии.

По отношению же к категориям бытия это означает, что, например, отношение качества и свойства или «бытия в себе» и «бытия для другого» понять нельзя, если не понимать отношения «сущности и явления».

Поэтому, пожалуй, некоторые «популяризаторы» и вульгаризаторы марксизма и запутываются в проблемах качества, отношения, свойств и т. п.

Тов. Сарабьянов, например, «открыл», что нет качества вне отношения, и решил поэтому, что за отношением ничего больше нет, разве только некая «субстанция вообще».

Механисты считают, что мир явлений многоцветен, многообразен, многокачественен, а «сущность вещей — это бескачественные, «простые», чисто-количественные отношения. Явление и сущность, внешнее и внутреннее разрываются на два обособленных мира.

Забывается та истина диалектики, которая выражена в известных, часто марксистами цитированных, словах Гете: «нет ничего чисто-внешнего и чисто-внутреннего, потому что вне проявляется то, что есть внутри».

Качество, например, как определенность бытия заключает в себе, как это показал тот же Гегель, два противоположных момента: реальность и

отрицание. Реальность — это самый момент бытия в качестве. Отрицание — это та ограниченность бытия, которая делает его определенным. «Окисляемость» — вот пример «качественной границы» у Гегеля. Эта «граница» есть отношение или «бытие для другого».

Что же это «бытие для другого» — лежит ли оно вне качества, вне «бытия в себе»? Нет. Не только «бытия для другого» нет без «бытия в себе», но оно само и есть только часть «бытия в себе», одна его сторона, его проявление. «Нечто сохраняется в своем несуществовании», говорит Гегель.

Подобно этому, Ленин пишет: «В жизни, в движении все и вся бывает как «в себе», так и «для других» в отношении к другому»¹⁾. И затем то же самое, по существу в совершенно другом месте: «Вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой»²⁾.

Когда теперь т. Сарабьянов клянется и божится, что качество — это отношение и что он сделал это великое открытие, то это крайне смешно.

Отношение есть «бытие для другого» вещи, которая, с другой стороны, непременно есть нечто определенное «в себе», некое объективное качество.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 1—2, стр. 21.

²⁾ Ленин, т. X., стр. 94. Подчеркнуто мною. — А. С.

«Для нас реальность отдельного чувственного бытия — это нашей кровью запечатленная истина» (Фейербах). У Сарабьянова же из двух неразрывных моментов качества: реальности или «бытия в себе» и отрицания или «бытия для другого» (отношения) первый момент совершенно исчезает.

Что остается у т. Сарабьянова? Остаются, с одной стороны, «качества», как условные и субъективные определения. С другой стороны должна остаться бескачественная «вещь в себе», — «*carum mortuum* отвлечения», по выражению Гегеля. Но «вещи в себе» так же не существует без отношения, как и отношения без качественно-определенных вещей в себе.

Но т. Сарабьянов не останавливается на том, что ставит знак равенства между качеством и отношением. Напомню его определение качества: «Наше определение качества будет выражено как отношение одной совокупности свойств к другой»¹⁾. Такое же определение дается и в других книгах того же автора²⁾.

Итак, не только отношение, но отношение свойств. А что такое «свойство»? Свойство, как мы это сейчас покажем, есть одна из форм отношения. Получается, следственно, «качество» как отношение отношений.

1) Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 97.

2) См., напр., «Исторический материализм», изд. 7, стр. 159.

Итак, что такое свойство? «Качество есть свойство прежде всего и преимущественно в том смысле, поскольку оно обнаруживает себя во внешнем отношении, как имманентное определение. Например, под свойствами трав разумеют определения, которые не только вообще чему-нибудь свойственны, но такие, через которые они своеобразно сохраняют себя в отношении к другому, не допускают в себе чужих положенных в нем влияний, но сами заявляют свои собственные определения в другом»¹⁾.

Гегель в этих словах весьма тонко определяет свойство как такое отношение к другому, в котором качество «ничто» проявляет свое «в себе».

Поэтому познать свойства вещи значит познать ее «в себе бытие», ибо оно-то и проявляется в свойствах.

В другом месте Гегель пишет: «Все вещи не ограничиваются в своем существовании этим отвлеченным моментом (в себе бытия); они необходимо отражаются в другое, и потому они имеют свойства»²⁾.

В познании вещи существуют «для нас». Это — часть их «бытия для другого». Плеханов в одной статье ставит вопрос: «Что такое свойство вещи?» — и отвечает: «Это именно тот способ, которым она

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 54.

²⁾ Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 225.

действует на нас непосредственно или посредственно»¹⁾. Конечно, Плеханов прекрасно сознавал при этом, что свойства вещи проявляются не только по отношению к нам, что они также обнаруживаются в отношении вещей с вещами помимо «нас». Фейербах это выразил в следующих прекрасных словах:

«Итак, пусть не приписывают виртуозности и универсальности одного Я того, что относится к собственной жизненной силе и индивидуальности вещей и потому возбуждает не-Я таким же точно или аналогичным образом, как и Я. Теплота весеннего солнца, выманивающая на свежий воздух человеческое Я из оков холодной бюрократии, извлекает также и ящерицу, и слепых змей из их логовиц на свет. Горный кристалл, не ставящий никаких границ световым лучам, именно поэтому и дает возможность нашим взорам проникнуть сквозь себя, к величайшему наслаждению для наших глаз; воск, почти невесомый для наших чувств, производит на воду лишь поверхностное давление, в то время, как тяжелый камень, идущий в воде на дно, придавливает к земле и нас самих. Как счастливы мы были бы, если бы природа нам одним раскрыла свои чары! Медвяная и восковая моль не опустошала бы тогда наших ульев, долгоносик

¹⁾ Плеханов, Критика наших критиков, изд. 1906 г., стр. 171.

не уничтожал бы наших полей, капустные гусеницы — наших огородных овощей! Тем не менее то, что кажется вкусным и сладким, нам нравится и другим существам вне нас»¹⁾.

Итак, свойство есть качество, поскольку оно «своеобразно сохраняет себя» в отношении к другому. Поэтому, как я уже писал, нет ничего страшного в том, что мы обычно в речи отождествляем свойство и качество. Но что допустимо в обычном словоупотреблении, то не всегда допустимо в философском анализе, где необходимы более строгие определения.

В марксистской литературе вещь и качество приравниваются сплошь и рядом. Процесс перехода одного качества в другое и одной вещи в другую отождествляется (см., напр., у Плеханова: «Критика наших критиков», изд. 1906 г., стр. 108 и др.). Это и правильно, поскольку качество вообще есть тождественная с бытием определенность» (Гегель), так что «нечто» перестает быть тем, чем оно есть, теряя свое качество».

С другой стороны, свойство тоже есть качество, но лишь в известном смысле, а именно: в определенном отношении «к другому».

Но вот это-то «в известном смысле» и делает сие «тождество» необратимым. Нельзя сказать: «качество — это свойство», потому что качество еще

¹⁾ Л. Фейербах, Сочинения, т. I, стр. 48.

включает в себя момент «отношения с собой»; момент «в себе бытия».

Отношение. О нем тоже можно в известном смысле сказать, что это качество. Именно, это одна сторона качества, его «бытие для другого» вообще.

Отношение само есть некая «определенность бытия» и как таковая — качество. Но оно не мыслимо без некоего «в себе бытия»; а в «себе бытие» — это момент, «отрицающий отрицание», момент, противостоящий «отношению». Поэтому, если даже сказать: «отношение есть качество в известном смысле», то никак нельзя сказать, что качество — это вообще отношение, или «отношение свойств». Если, например, предположить, что т. Сарабьянов относится ко мне очень плохо, то ведь это «отношение» не витает надо мной и т. Сарабьяновым, как нечто «само по себе». Оно предполагает свое «бытие в себе» в форме тех или иных внутренних переживаний т. Сарабьянова.

Отношение качества и свойств — это еще один вопрос, по которому т. Сарабьянов вводит в заблуждение себя и своих читателей. Уже одна ошибка в этом вопросе сама по себе способна сбить и ее автора и его читателей на путь релятивизма и субъективизма, поэтому ее нельзя, невозможно обойти молчанием. Коротко дело сводится к следующему: по Сарабьянову, «качество»

есть «теоретически» такая совокупность (по существу же выходит: сумма) свойств, что каждое новое свойство вещи делает ее новым качеством. Из этой совершенно ложной посылки автор делает следующий уже более или менее «последовательный» вывод: в объективном мире, объективно, независимо от познающего субъекта не существует качественных различий. Качественные различия, следовательно, устанавливаются субъектом.

В одной своей статье т. Сарабьянов дает такой «блестящий» пример: у определенного человека вскочил прыщик на носу: спрашивается, — стал ли от этого сей человек новым качеством? Прыщик — рассуждает наш писатель — есть свойство. В одном отношении (с точки зрения «какой-нибудь очаровательной блондинки») это важное свойство, в другом — нет. Посему в одном отношении человек с прыщиком есть новое качество, в другом — нет. Все условно, все относительно.

В другом месте т. Сарабьянов пишет: «Если при сравнении двух совокупностей свойств, мы не найдем среди них такого или таких свойств, которые есть в данной вещи, но которых нет в другой данной вещи, то оба предмета должны быть квалифицированы как одинаковые качества»¹⁾).

¹⁾ Вл. Сарабьянов, Беседы о марксизме, Москва, 1925 г., стр. 33.

«Наличие в вещи какого-либо свойства или отсутствие его сравнительно с другой вещью уже делает из этих двух вещей два разных качества» (там же, стр. 36). «Любая вещь теоретически есть совокупность «бесконечного количества» свойств, а потому теоретически верно предположение, что в любой момент какое-нибудь свойство или возникло или отмерло, а потому, любая вещь есть в любой другой момент уже иное качество» (там же, стр. 35, курсив мой.— А. С.).

Ясно, что в последних, подчеркнутых мною, словах качество, как объективная категория, уничтожено. Поэтому дальше т. Сарабьянов сейчас же пишет: «Мы пришли теоретически к безукоризненному выводу; (курсив наш—А. С.) в определении «качества», но вывод этот практически бесполезен. В самом деле, нам нужно действовать в отношении к данной вещи в зависимости от того, какова эта вещь, т. е. определивши ее качество; определить же качество невозможно, так как теоретически получается, что в своих соседних точках времени, определенных микроскопически малым промежутком времени, данная вещь представляет собой разные качества».

И на следующей странице книжки повторяется фраза о том, что «такое определение качества, теоретически правильное, практически бесполезно».

Недурно сказано! Недурное понимание «единства теории и практики»!

Какой же вывод предлагает т. Сарабьянов? Он предлагает отбросить к черту «теоретически правильное определение качества» и устанавливать субъективно, в зависимости от «важного или неважного» практически, какие свойства считать делающими «новое качество», какие нет.

¹ «Объективно — все важно. В этом отношении очень прав был Гегель, говоря: «Все действительное — разумно». «Объективно все одинаково, разумно».

«Таким образом качество есть объективно-субъективная категория».

«Без субъективизма никакое деление на классы, роды, виды просто невозможно (курсив наш.—А. С.), так как признаков бесчисленное множество, а важного и неважного объективно в природе не существует»¹).

Очень интересно проследить, почему в данном случае т. Сарабьянов скатился к субъективизму, обо что он споткнулся. Дело, конечно, в незнании с той теорией диалектики, значение которой неясно еще для многих современных «марксистов». Точнее, в данном случае т. Сарабьянов споткнулся о непонимание объективного значения категории необходимости и случайности. На опыте т. Сарабьянова мы снова убеждаемся, насколько, действи-

¹) Вл. Сарабьянов, Беседы о марксизме, Москва, 1925 г., стр. 37.

тельно, «категорий бытия» нельзя как следует понять без изучения «категорий рефлексии».

Тов. Сарабьянов, конечно, совершенно наивен, когда думает, что, по Гегелю, «объективно все важно», или объективно все «одинаково разумно». Конечно, т. Сарабьянов не знает, что именно Гегель подразумевал под «действительностью», которая «разумна».

По Гегелю, и с точки зрения материалистической диалектики также, случайное, а, следовательно, также «важное и неважное»¹⁾, не является лишь субъективной категорией.

«История имела бы крайне мистический вид, если бы случайности не играли роли», пишет Маркс.

Гегель, по отношению к формам, например, различает «существенные» формы и «внешние» (или «равнодушные», как он иногда выражается). Так, он пишет в виде примера, что «содержание книги не изменится от того, будет ли эта книга переписана или напечатана, будет ли она переплетена в папку или в сафьян» и пр.²⁾. Не от всякой «формы» зависит содержание.

Подобно этому не всякое отдельное изменение в свойствах вещи делает ее другим «качеством», другой «вещью».

¹⁾ «Существенное и несущественное», в терминологии «Науки логики».

²⁾ Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 236.

«Что-нибудь перестает быть тем, чем оно есть, когда теряет свое качество. Напротив, хотя вещь необходимо имеет свойства, однако же ее существование не связано с существованием тех или других определенных свойств, и она может потерять некоторые из них, не переставая быть, чем она есть»¹⁾.

Для Гегеля такое определение возможно, потому, что он признает объективное значение категорий «случайного», «существенного», «несущественного» и пр.

У т. Сарабьянова выходит по существу (сам он, конечно, этого не думает), что качество есть сумма свойств, а не «совокупность», как он чисто «внешне» (для своей мысли) выражается. Ибо, прежде всего, в «совокупности» имеется органическое слияние или взаимодействие различных свойств, в условиях какого эти различные свойства никак не могут быть «одинаково важными».

Человек может быть левшой или лысым, глупым или гениальным, но он не может быть человеком без сердца или без желудка и пр. Здание может не иметь форточек и даже окон, но не может быть без стен. Дерево остается собою, потеряв некоторую часть листьев, но погибнет, если вокруг ствола срезать кору, и т. д.

¹⁾ Гегель, Малая логика, стр. 226. Подчеркнуто нами.— А. С.

Наоборот, сумма изменяется с переменной каждого слагаемого. Делая все свойства «одинаково важными» объективно, т. Сарабьянов, естественно, стал отрицать и объективность качества.

Интересно, что, в то время как т. Сарабьянов еще няньчится со своим чудовищным «антропоцентризмом»¹⁾, даже не материалисты-философы, а несколько путанные в области философии, но истинные ученые в своей области, — естествоиспытатели видят в освобождении от субъективных, антропоморфных моментов в естествознании характеристику его прогресса.

Так, М. Планк пишет: «Развитие всей теоретической физики до настоящего времени совершается под знаком объединения ее системы, которое достигается благодаря освобождению от антропоморфных элементов, в частности — от специфических чувственных ощущений».

Например, в учении о лучистой энергии, — говорит Планк, — физика достигла таких методов изучения, что «человеческий глаз является при этом совершенно выключенным, он выступает только в качестве случайного, правда, очень чувствительного, но довольно ограниченного реагирующего прибора, так как он воспринимает лучи внутри небольшой области спектра, едва достигающей ширины октавы. Для остального спектра

¹⁾ «Решение вопроса о качестве «антропоцентрическом» в постановке его невозможно». В л. Сарабьянов, Основное в едином и пр., стр. 102 и 103.

выступают на месте глаза другие воспринимающие и измеряющие приборы, как, например, волновой детектор, термоэлемент, болометр, радиометр, фотографическая пластинка, ионизационная камера. Таким образом, отделение основного физического понятия от специфического чувственного ощущения произошло в оптике так же, как и в механике, где понятие силы уже давно потеряло свою первоначальную связь с мускульным ощущением»¹⁾.

Итак, нельзя ни приравнять качество и свойство, ни приравнять качество к «сумме свойств».

В этом смысле совершенно верно сказано в «Логике» Зигварта: «Именно различие вещи от ее свойств делает непротиворечивой ту мысль, что та же самая вещь может иметь одновременно и последовательно различные свойства. Если бы вещь была только суммой свойств... тогда невозможно было бы даже притти к мысли об изменяющейся вещи, при малейшем изменении мы имели бы исчезновение прежнего единства и его замещение новым²⁾, иначе составленным. Если в сумме изменяется хотя бы одно слагаемое, то сумма не может оставаться той же самой, но сама становится иной»³⁾.

¹⁾ М. П л а н к, Физические очерки, Гиз, 1925; стр. 8 и 112—113

²⁾ Сравните с тем, что говорит Сарабьянов; он считает, что объективно так оно и есть.

³⁾ З и г в а р т, Логика, т. II, вып. 1, стр. 112—113.

Кратко можно так формулировать те основные соображения, из которых вытекает невозможность приравнения «качества» к «сумме свойств»:

Во-первых, за свойством, как отношением, и за суммой этих отношений остается момент реальности «определенного бытия», остается момент «в себе бытия», которое и проявляется в свойствах, в отношении «к другому». Это «соотношение вещи к самой себе имеет свое основание в материи»¹⁾.

Махисты, эмпириокритики отрицают вообще реальность таких понятий как «материя», «субстанция», «вещь в себе». С устранением этих понятий устраняется материализм. Поэтому-то Плеханов, Ленин и другие так боролись за признание реальности этих категорий²⁾. Отрицание «бытия в себе» — пишет Плеханов, употребляя этот «гегельянский» термин, — «равносильно с примирением с идеализмом»³⁾.

Во-вторых, свойства вещи не собраны в ней как различные предметы в одном чемодане и не навешаны на «вещь в себе»; они сливаются в органическую совокупность, в некое единство вещи.

¹⁾ Гегель, Малая логика, стр. 228.

²⁾ См., напр., у Плеханова в книге «От обороны к нападению», изд. Друтман, стр. 113, 115, 116, 130, 132 и др.

³⁾ Там же, стр. 132.

«Свойства тел подчинены изменчивому влиянию других свойств или деятельности этих тел; только отвлеченный рассудок может упорно требовать, чтобы различные свойства одного и того же тела были совершенно разделены и независимы одни от других»¹⁾).

В-третьих, в этой совокупности свойств отдельные свойства могут быть более существенными или решающими, другие же могут быть для данной вещи «несущественными», «случайными». Все это придает качеству вещи некоторую свободу от ее отдельных свойств.

Таким образом вещь может терять некоторые из своих свойств, оставаясь той же вещью, тем же «качеством».

4. Развертывание моментов «меры» у Гегеля и теория стоимости Маркса

Ленин завещал нашему поколению марксистов «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля», рекомендовал печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса и пр.²⁾

В частности, в учении Гегеля о качестве много есть такого, чему можно учиться.

¹⁾ Гегель, *Философия природы*, стр. 388.

²⁾ «Под знаменем марксизма», 1922 г., № 3, стр. 10.

Прежде всего существенно-новое у Гегеля заключается в установлении противоречивой природы категорий качества и количества, их относительной «текучести», их связи, их взаимных переходов.

Единство количества и качества, это «истина бытия» — качественное количество, «мера».

В учении о «мере» Гегель детально разворачивает моменты отношения количества и качества. Обычно у нас теперь останавливаются лишь на переходе количества в качество. Гегель выясняет активную роль качества, взаимодействие качества и количества.

Изолированно мера может быть взята лишь до известной степени, так как она не только не существует фактически в абсолютно изолированном виде, но и по самому своему понятию должна выходить из себя, за себя.

И все же не только можно, но и необходимо, с научной точки зрения, отличать в мере ее «бытие для себя». Так, человек есть «мера», и сердце или желудок — тоже «мера». Но человек, рассматриваемый по отношению к желудку, есть «для себя бытие меры» — вопреки Ницше, который думает, что «человек — это желудок». Наоборот, мера желудка, как органа, всецело определяется тем целым, которому он служит. Но если взять того же человека по отношению к обществу, то это «для себя бытие» индивида снимается, ибо

«сущность человека — это есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, 6-й тезис о Фейербахе). Или клетка в биологическом мире является «бытием для себя меры», пока это есть какая-нибудь одноклеточная амеба, протист, но в развитом организме исчезает это бытие для себя клеточки. Оно снято, поскольку сама клетка включена в систему целого и в целом находит «истину своего бытия».

Как «бытие для себя», мера представляется прежде всего в форме «непосредственной меры», каковой является всякая наличная качественная величина, все вещи, говоря обычным языком.

«Мера в своей непосредственности есть обычное качество, обладающее некоторой определенной свойственной ему величиной»¹⁾. Муравью, человеку, слону и т. п. «свойственна» определенная величина, которая может колебаться лишь в узких границах, так что не бывает муравья величиной со слона и обратно. Каждая вещь обладает своей «специфической величиной», более или менее определенной. Таким образом, «непосредственная мера есть простое определение величины, например, величины органического существа, его членов и т. п. Но все существующее, чтобы быть

1) Гегель, Наука логики, стр. 231.

тем, что оно есть и вообще существовать, имеет некоторую меру»¹).

Примером непосредственной меры служит особый вид меры — мерило (масштаб) или «правило». Масштаб есть определенное количество определенного качества, хотя обычно как бы не замечается его качественная природа. В основе каждого измерения лежит мера. Но мера в качестве масштаба — некая единица — «сама есть произвольная величина»²). «Поэтому нелепо говорить о естественном мериле вещей», — замечает Гегель.

Масштаб есть известная норма. Норма выступает прежде всего как нечто условное в общественной жизни людей, как норма поведения («правило»). Норма поведения есть некий масштаб оценки. Таковы моральные оценки, но не только моральные. Например, довоенное производство есть некая условная «норма», посредством которой измеряют успехи нашего экономического продвижения вперед. На каждом заводе нормы выработки есть некая условная мера, посредством которой оценивается труд рабочего.

Но правило (как норма) уже не только «непосредственная мера». В «правиле» есть переход к «специфицирующей мере», ибо норма и правило уже не только масштаб, мерило, но

¹) Гегель, Наука логики, стр. 230.

²) Там же, стр. 232.

и то, что «нормирует», определяет величину или «специфицирует», как выражается Гегель. У природы существуют свои нормы — например, величины животных, упругости тела и т. п.

Но здесь уже условный, «служащий для общезнания» характер правила исчезает, и, например, правило величины животного («нормальная величина») становится не только мерилом по отношению ко всяким возможным «отклонениям от нормы», но принудительной нормой, с естественной необходимостью определяющей величины, специфицирующей.

Дальнейшее развитие меры определяется противоречием ее противоположных моментов: количества и качества. Мера, с одной стороны, «качественна, специфична». С другой стороны, она есть некоторое количество, безразличное к качеству. Развертывается действительная борьба этих двух моментов.

Количество, которое в непосредственной мере существует так же непосредственно, имея «различное существование» с качеством, стремится разрушить качество. «Величина, поскольку она принимается за безразличную границу, есть та сторона, с которой существование подвергается неожиданному нападению и подрывается в корне»¹). С другой стороны, качество меры

1) Гегель, Наука логики, стр. 231.

отстаивает свое существование именно тем, что оно снимает безразличие внешних, количественных изменений, специфицирует.

Сама мера выступает здесь как специфицирующая мера.

Гегель приводит лишь один пример спецификации, который мы и передадим здесь в другом, несколько упрощенном, виде. Летом суша и вода (в море) нагреваются, зимой остывают. Внешняя температурная среда и в том и в другом случае для суши и моря одинакова. Но летом море холоднее суши, а зимой наоборот. Это зависит от того, что земля и вода качественно, «специфически» относятся к внешней температурной среде (лучи солнца и пр.) и поскольку различно ее воспринимают. Тем самым они становятся количественно (в смысле температуры нагрева) различными.

Подобно этому, каждое растение берет из почвы различные элементы в различных специфических количественных пропорциях, которые определяются качеством растений.

В области психологии каждый человек по своему (степень аффекта и пр.) реагирует на внешнее событие (внешнее «раздражение»).

Наконец, если возьмем общественную жизнь, то найдем, что, например, условия географической среды — благоприятные и неблагоприятные — очень различно отражаются на

различных обществах, так что каждое общество специфицирует влияния географической среды на свой манер в зависимости от характера своей экономики, от степени развития производительных сил. С другой стороны, например, экспансия («количественное» распространение) европейцев на Восток и на Запад к концу средних веков, так же как и экспансия современного капитала, определяется «качеством» торгового капитализма и империализма.

Таким образом, мы здесь всюду наблюдаем, как количественное изменение внешней среды (температуры, воздействующего на психику события, условий географической среды данного общества и т. п.) вызывает изменения в том «нечто», которое находится под воздействием этой среды, но интенсивность, степень изменения, темп и т. д. специфицируются в зависимости от качества «нечто», которое (качество) выступает как коэффициент спецификации, как показатель отношения.

Нечто, как мера, «изменяет внешним образом положенное изменение»¹⁾. «Если внешняя величина изменяется, таким образом, в арифметической прогрессии, то специфицирующее воздействие качественной природы меры дает начало другому ряду», имеющему свою особую кривую, определяющуюся показателем отношения.

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 233.

«Здесь же под показателем нельзя разуметь ничего иного, кроме момента самого качественного, который специфицирует величину как таковую»¹⁾.

Так, качество определяется через отношение к «внешне-количественному», а среда рассматривается пока лишь как чисто-количественное, — например, температурная среда. «Но она есть сама температура воздуха или иная специфическая температура. Поэтому при ближайшем рассмотрении получается собственно отношение не просто количественного к соединенному с качеством, но двух специфических определенных количеств», т. е. двух мер²⁾.

Или (чтобы взять другой пример), если мы испытываем, как скоро утомляются на работе разные лица, то надо принять в расчет, что работа при этом тоже есть определенная работа, так что для разных лиц на разные работы реакция будет неодинаковой. При этом испытание оказывается не только испытанием утомляемости работников, но и утомительности работы. Качество (утомляемость) работы определяется никак не иначе, как степенью утомленности работников. Обратное: качество (выносливость) работников определяется не иначе, как через количество проделанной работы³⁾. «Таким образом, — правильно

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 233.

²⁾ Там же, стр. 234.

³⁾ Подобным образом в товарном обществе стоимость товара находит себе выражение в определенном количестве

замечает Гегель, — качества не только суть вообще сущее одно для другого существование, но положены нераздельно; и связанная с ними определенность величины есть качественная единица — одно определение меры, в котором они совпадают по своему понятию. Таким образом, мера есть имманентное взаимное количественное отношение двух качеств»¹⁾.

Практически подобная форма отношений имеет громадное значение. Все находит свою меру, в отношении с другими мерами, как в «относительной форме стоимости» у Маркса.

Вместе с тем мы перешли от одной формы меры к другой ее форме, снимающей первую. «В спецификации меры, в ее предшествовавшем определении, как изменения просто внешней величины качественным, — внешнее количество рассматривалось как чисто-количественная среда. Но сама «среда» есть некоторая качественная величина, и это «дает дальнейшую, именно такую форму меры, в которой обе стороны относятся

потребительных стоимостей. Так, Маркс пишет: «Стоимость товара «холст» выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого». И далее: «Итак, при помощи отношения стоимостей натуральная форма товара В становится формой стоимости товара А, или тело товара В становится зеркалом стоимости товара А». («Капитал», т. I, стр. 19, изд. 1909 г.).

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 235.

между собой как качественно-определенные количества,— что может быть названо реализованной мерой¹⁾.

Мера, как отношение двух мер, которые вне этого отношения могут выступать как самостоятельные²⁾, есть показатель отношения мер и «как отрицание различных качественно-определенных членов, этот показатель есть бытие для себя, простая определенность»³⁾. «Но это бытие для себя,— пишет дальше Гегель,— есть только в себе; как существование оно есть просто непосредственная величина, частное или показательное отношение между членами меры».

Таким образом, выражаясь гегелевским языком, мы могли бы сказать, что «истина меры» заключается в отношении самостоятельных мер, самостоятельность которых существует именно постольку, поскольку они выступают как члены отношения.

Учение Гегеля о реальной мере и об «отношении самостоятельных мер» трудно усваивается, потому что автору приходилось впервые излагать такие всеобщие формы отношения, которые не были до

1) Гегель, Наука логики, стр. 235.

2) «Так пространство и время оба признаются имеющими значение вне той спецификации, которая принадлежит определенности их величины в падении тел, как пространство вообще и время вообще» (Н. Л., стр. 238).

3) Там же, стр. 239.

него обобщены наукой. Новое трудно поддавалось изложению. У Гегеля поэтому его общее в данном месте логики как будто тонет за частными, более или менее случайными примерами, едва обособляясь от них. В результате этого, важнейший отдел учения о мере часто вовсе остается непонятным и «игнорируется». Мне кажется, что наиболее блестящим примером, где весь этот отдел «Логики» Гегеля как бы перенесен в специальное конкретное исследование, является целиком учение Маркса о формах стоимости («Капитал», гл. 1).

В учении Маркса о формах стоимости, об их историческом развитии, мы находим гегелевское «отношение мер», ряды отношений, своего рода «избирательное сродство» в отношениях мер и проч. Нет сомнения, что Маркс имел перед глазами правильно понятое учение Гегеля о развертывании моментов категории «реальной меры», когда писал теоретически важнейшую исходную главу своего «Капитала». Мы поэтому далее будем иллюстрировать формы меры прежде всего формами стоимости, как они даны у Маркса.

«Определение меры состоит в том, чтобы быть «отношением мер»¹⁾. Но отношение мер «есть прежде всего само непосредственное», когда мера выступает как самостоятельное и «полагается внеш-

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 241.

ним образом в соединении»¹⁾ как, например, в отношении веса и объема в удельных весах.

Но, как мы только что видели, качество меры существенно связано с количеством противостоящей меры. Перефразируя Маркса²⁾, можно сказать, что скрытое в мере внутреннее противоречие между качеством и количеством «выражается таким образом при помощи внешнего противоречия», т. е. при помощи отношения двух мер, из которых качество одной определяется его отношением («спецификацией») к количеству другой.

Можно привести сколько угодно иллюстрирующих примеров. Так, плотность газа определяется величиной давления; сила мышц — количеством выполняемой работы; ловкость — упражняемостью; форма листьев (австралийские эвкалипты) — количеством солнечных лучей или количеством почвенной влаги (кактусы и пр.), и пр. и т. п.

Сама мера здесь выступает существенно в форме относительной меры. Мы говорим: «существен-

1) Гегель, Наука логики, стр. 242.

2) Именно Маркс говорит: «Скрытое в товаре внутреннее противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью выражается, таким образом, при помощи внешнего противоречия, т. е. при помощи отношения двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость которого выражается — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в кот о р о м стоимость выражается — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости» («Капитал», т. I, стр. 28, изд. 1909 г.).

но» потому, что различие между относительной мерой и мерой в ее бытии для себя — само относительно, как это мы уже разъяснили выше. Так орган по отношению к организму выступает как относительная мера, сам же организм (целое) — как самостоятельное «бытие для себя»¹).

Вместе с тем само качество кажется здесь чистым отношением. Но, по Гегелю, качество и есть то, что специфицирует, т. е. определяет отношение. Если не отношение определяется качеством, а качество — отношением, то само отношение теряет всякую устойчивость, а качество становится чем-то совершенно случайным и произвольным. Так оно и представляется, пока мы берем отношение двух мер или, выражаясь в терминах «Капитала», «простую, единичную или случайную форму» меры.

У Маркса о стоимости, как определенном качестве, речь идет раньше, чем о какой-либо ее относительной форме. Первая форма стоимости «простая»: « X товара $A = Y$ товара B »²). Эта форма не случайно названа у Маркса «случайной». Если изменится выраженная в этой форме стоимость A , то нельзя будет определить, зависит ли это от перемены в A или B , A и B могут одновременно

¹) Выражение «относительная мера» употребляется в логике Гегеля, насколько я знаю, лишь один раз (см. *Н. Л.*, стр. 255).

²) Напоминаю, что стоимость есть мера, качественная величина.

возрасти в стоимости в одинаковой степени, и этого нельзя будет заметить, так как отношение остается тем же.

Таким образом собственная мера «в себе» стоимостей А и В тонет в их отношениях (в этой простой или случайной форме стоимости), и само отношение остается внешне чем-то совершенно произвольным.

Положение меняется, когда мы переходим от «простой или случайной» формы стоимости «к развернутой форме стоимости». Развернутая форма стоимости у Маркса соответствует «мере, как ряду отношений мер» Гегеля. Исторически она является позже простой или случайной формой.

Отношение какого-нибудь товара А ко всему ряду своих эквивалентов вполне соответствует отношению (которое берется в примере Гегеля) какой-нибудь кислоты ко всему ряду оснований (щелочей).

Мера (стоимость) находит в этой форме отношения такое свое выражение, которое делает ее независимой от любого отдельного отношения (эквивалента в форме потребительной стоимости). Тем самым снимается случайный характер отношения, и мера обнаруживает свое лежащее в основе всех отношений «бытие в себе». Это как раз то, что бьет против понимания качества как только отношения (так сказать, «снимает» их одностороннее, рассудочное понимание качества).

В этом переходе к развернутой форме стоимости «специфическая самостоятельность не остается существовать в одном прямом отношении, но переходит в специфическую определенность, которая есть ряд мер»¹⁾.

Гегель уже с примером удельного веса приходит к заключению, что «специфическая природа такого нечто определяется лишь по сравнению с другими показателями таких отношений»²⁾. Т. е. удельный вес одного тела без его сравнения с удельными весами других тел — пустая, ничего не говорящая абстракция. Удельный вес приходится брать в ряде удельных весов, только тогда он принимает определенное значение.

Аналогичным примером в области общественных отношений может служить, например, дифференциальная рента, которая не существует вне ряда отношений различных земельных участков, вне различий цен производства на них. Самое название «дифференциальной ренты» указывает на это отношение к своему ряду.

Так же в области техники преимущества машины не существуют вне сравнения их с уже употребляющимися в производстве машинами и т. д. Все связано со всем, и следует рассматривать предметы и явления «во всех связях и опосредствованиях», так как вне их теряется мера

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 241.

²⁾ Там же, стр. 242.

вещей. Так гласит одно из основных правил диалектики.

В примере Гегеля с рядом кислот и оснований, как и в примере отношений по стоимости различных рядов товаров в развернутой форме стоимости, как и в других аналогичных примерах (которых можно найти сколько угодно) — устанавливается тройкий вид отношений. Гегель говорит об этом последнем так: получается ряд показателей, выраженных в относительных числах, из которых каждое число есть, «во-первых, единица вообще относительно противостоящего ей ряда, в котором она имеет определенность бытия для себя, как ряд показателей; во-вторых, она есть один из показателей для каждого члена противостоящего ряда; и в-третьих — относительное число для других чисел ее ряда и, как таковое, обладающая определенным числом, свойственным ей как показатель, ее определенною для себя единицей в противостоящем ряду»¹⁾.

В этой системе отношений выступает качество (реальная мера) как единица. — «Поистине самостоятельное отличается своеобразным рядом показателей». Каждой кислоте присущ особый ее «ряд показателей», характеризующий ее отношение к ряду щелочей. Всем этим своим рядом показателей данная кислота отличается от всего ряда

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 244.

других кислот. И это ее отличие от ряда других кислот составляет ее качество как особой кислоты. «Отношение таких внутри их образует качественное в самостоятельном»¹⁾.

Эта качественная самостоятельность одного в ряде подобных составляет отношение различных степеней «избирательного сродства». Она позволяет сопоставлять один ряд (например, кислот, товаров и пр.) не со всем противостоящим рядом, а с какой-нибудь единицей из этого противостоящего ряда. Так все товары по своим стоимостям сопоставляются с товаром: золото.

Таким образом, мы перешли здесь к тому, чему у Маркса соответствует понятие «всеобщая форма стоимости».

Здесь заключено два существенно-важных момента: во-первых, самая возможность свести многие меры одного ряда к одной, с которой сопоставляется затем весь противостоящий ряд; во-вторых, эта одна «избранная» мера сама не является чем-то произвольным, а в борьбе завоевывает свое право на исключительное место. Так, одна кислота вытесняет другую. Так, золото, как всеобщий эквивалент, вытеснил другие товарные эквиваленты. Так, на международной бирже доллар вытесняет менее устойчивые валюты других стран. Так, в промышленности технически и коммерчески более сильные крупные предприятия вытесняют мелкие

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 244.

(процесс централизации капитала в конкуренционной борьбе) и т. д. И в этом процессе обнаруживаются качества промышленных предприятий, качества товарных эквивалентов и т. д.

Если в ряде отношений, мер, как он брался раньше, каждая мера осуществлялась в своем отношении со множеством мер, то теперь зависимости опрокинуты, и множество мер находит свое лицо в одной «всеобщей» мере, или «исключающей» мере, как это называет Гегель¹⁾.

Так, например, абстрактный труд, образующий стоимость, есть «исключающая мера» по отношению ко всем видам конкретного труда. Конкретный труд живых людей «снят» в этом абстрактном труде. Так же в «необходимом рабочем времени», которым измеряется стоимость, снято всякое конкретное рабочее время. В средней норме прибыли сняты конкретные прибыли капиталистов.

Здесь мы переходим еще к одному, интересному моменту, выступающему в развитии определений меры.

Каждая вещь может в известной степени играть роль «всеобщей меры», поскольку в ней, как в микрокосме, отражен весь большой мир. На этом основании говорят, что изучить до конца, исчерпать одну, какую-нибудь вещь, один предмет, одно

¹⁾ Мера здесь действительно «исключает» ряд других мер, приводит к смене мер и к «узловой линии отношений меры».

явление — это значит познать весь мир во всех его связях. В этом смысле можно сказать, что каждый человек есть в той или иной степени мера того общества или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений¹⁾.

Но, конечно, чтобы судить по одному человеку обо всем классе, мы старались бы взять типичного представителя («норма» в ее новом смысле). И в этом случае он, как типичный, выступал бы в качестве не только «всеобщей», но и «исключающей» меры.

Так, у Ленина в плане брошюры о продналоге есть такое знаменательное замечание, брошенное вскользь: «Беспартийный крестьянин как мерило, как показатель, как советчик — и как политический лозунг»²⁾.

Политическим лозунгом беспартийный крестьянин служит у меньшевиков и эсеров. Для ком-

1) «Единичность не составляет отрицание общности, а ее осуществление. Конкретное единичное или конкретный индивид сам по себе, поскольку в нем общность осуществлена как действительное, есть общность». Данный единичный предмет есть вместе с тем и особенный и выражает общую сущность». «Рабочий класс данной определенной среды, будучи данным, т. е. единичным, явлением, специфическим образом, т. е. особенным образом выражает общий характер, законы и определения рабочего класса вообще» (Д е б о р и н, Маркс и Гегель — «Под знаменем марксизма», 1924 г., № 3, стр. 17).

2) «Большевик», 1925 г., № 7, стр. 77.

мунистов он — мерило, показатель, ибо он отражает глубочайшие и важнейшие процессы в нашей стране.

Итак, «последнее определение отношений меры состояло в том, что оно есть специфически исключительное; исключение присуще нейтральности как отрицательное единство различаемых моментов»¹⁾.

В царстве мер господствуют борьба и синтез. Противоположность кислоты и основания (щелочи) приводит к отрицанию того и другого в их синтезе, в форме нейтрализации. Получается новая мера («соль»). Различные капиталистические предприятия вступают друг с другом в борьбу, побеждает технически и коммерчески выше стоящее «качество», а в результате — процесс централизации и концентрации капитала, приводящий к новому «качеству» монополистического капитализма.

Однако «спор» этот — не только внешнее столкновение двух вещей, дающее начало новому. Каждая мера в себе носит залог своего отрицания в виде противоречия ее качественного и количественного момента. «Величина есть то состояние, с которым существование, повидимому, неизменно связано и которым оно может быть разрушено»²⁾.

«Исключающая мера остается в своем реализованном бытии для себя причастной моменту,

1) Гегель, Наука логики, стр. 255.

2) Гегель, Наука логики, стр. 259.

количественного бытия, а потому, способной к восхождению и нисхождению по той скале величины, по которой изменяются отношения. Нечто или некоторое качество, основанное на таком отношении, побуждается к выходу за себя в безмерное и уничтожается через простое изменение своей величины».

Мера — единство качества и количества. Это единство не нарушается, мера сохраняется, если даже количество изменится в известных пределах. До некоторых пор качество остается равнодушно к изменению количественной стороны меры. Каждая мера обладает своей свойственной ей амплитудой колебания количества, или, как говорит Гегель: «отношение меры... имеет известную ширь, в пределах которой оно остается безразличным относительно этого (количественного) изменения и не изменяет своего качества»¹⁾.

Так, амплитуда температурных изменений, допускаемых для воды в условиях давления в одну атмосферу, заключена в пределах от нуля до ста градусов. Для человеческого организма допустимая амплитуда температурных колебаний заключена в пределах приблизительно от 28 до 42 градусов. Число ударов сердца обладает амплитудой примерно от 30 до 200 ударов в секунду и т. д.

За этими пределами «измененное количественное отношение превращается в меру и потому в

¹⁾ Гегель, Наука логики, стр. 256.

новое качество, в новое нечто»¹⁾. Количество, переступившее «известную ширь», допускаемую данной мерой, становится «безмерным».

Странно, что часто так запутывают вопрос о «безмерном». У Гегеля он выглядит очень просто.

То, что преступило меру, стало «безмерным». Но оно само в себе есть некая новая мера. Империализм есть нечто безмерное по отношению к домонополистическому капитализму (вследствие чего мелкий буржуа протестует против монополии трестов), но он есть некая мера в себе. Бюрократизм — безмерное централизма, но он сам есть качество для себя, и это его «бытие для себя» находит свое выражение в том, что бюрократ чувствует себя в этом «безмерном» как нельзя лучше. Безмерное наслаждение перестает быть наслаждением, но становится страданием — новой «мерой». Подобно этому безмерное страдание переходит в бесчувственность. В общем — «новое отношение меры, которое переходит в прежнее, безмерно по отношению к последнему, но в нем самом есть также некоторое сущее для себя качество»²⁾.

Все можно сделать чрезмерным, довести до абсурда, если брать вне меры. Централизм и демократизм партийной организации — источник ее сил. Но существует такой предел, за которым их

1) Гегель, Наука логики, стр. 256.

2) Там же, стр. 259.

действие превращается в собственную противоположность: то и другое становится «безмерным».

Очень важно практически (и теоретически) то положение, что всякую мысль можно привести к абсурду, если ее продолжить. Ведь очень часто «додумывают» за какого-нибудь автора его мысль и на этом основании представляют ее в смешном и нелепом виде.

Так, например, поступают с идеей равенства при коммунизме.

Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию отмены классов. И требование равенства, которое простирается дальше этого, необходимо впадает в абсурд»¹⁾.

Ленин очень часто возвращается к вопросу, о «чрезмерном». «Самое верное средство, — говорит он, — дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы во имя защиты ее довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать чрезмерной (как говорит Дицген-отец), если ее преувеличивать, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»²⁾.

1) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1918 г., стр. 95.

2) Ленин, Детская болезнь левизны, т. XVII, стр. 151.

Требование держаться меры и не доводить мысль до абсурда есть требование конкретности. «Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»¹⁾.

При этом конкретное выступает здесь дважды: не только следует помнить меру данной вещи, но надо брать эту меру в конкретных условиях, в связи с целым.

Ведь когда мы говорим о ста градусах, при которых вода превращается в пар, то мы подразумеваем определенную обстановку, определенные условия, а именно — давление в одну атмосферу. В разреженной атмосфере вода закипит и при любой более низкой температуре. То же самое наблюдается и при различных других случаях, когда количество переходит в качество. Например, то количество работы, которое приводит к усталости, — переменная величина, зависящая от множества условий: внешняя обстановка, освещение, температура воздуха, заинтересованность и т. п.

Количество переходит в качество или в новую меру. При этом наступает перерыв непрерывности по качественной стороне — скачок.

Новая мера, однако, не неподвижна. Она отрицается, в свою очередь возникает новая мера, которая снова отрицается и т. п. «до бесконечности». Получается протягивающаяся во времени и пространстве линия отношений меры, которую Гегель

¹⁾ Ленин, том V, стр. 480.

назвал узловой линией. «Это выражение заимствовано из астрономии, в которой точки пересечения эллиптических путей небесных тел нашей солнечной системы с эклиптической называются «узлами», а прямая линия, соединяющая эти точки и проведенная сквозь центр солнца, называется «узловой линией»¹⁾).

Энгельс приводит в «Анти-Дюринге» пример с законченными узловыми линиями в форме гомологических рядов углеродистых соединений. Все члены ряда существуют в настоящее время в природе одновременно, но их последовательное образование во времени — вне сомнения.

Так Энгельс называет молекулу — узлом²⁾. Такими же узлами в системе мер, «качествами», «относительными устойчивостями» являются: электрон, атом, организм и т. д. Они все существуют в природе определенным образом, но нет сомнения, что если мир имеет историю, то электроны образовались раньше, чем атомы, атом — раньше молекулы и т. д. Все это вместе дает определенную «узловую линию развития». Если взять атомы, то они в своем различии (атом водорода, атом гелия и т. д.) составляют специально узловую линию химических элементов. Человеческая история со сменой общественных форм дает узловую линию общественного развития и т. д.

1) К. Фишер, Гегель, стр. 495.

2) Маркс и Энгельс, Письма, М. 1923 г., стр. 165.

На первых порах эти линии представляются как что-то произвольное; расположение «узлов» как случайное. Гегель жалуется на это. Так он говорит, например, в «Философии природы» о «безразличном сопоставлении веществ» в химии и указывает на необходимость «расположить эти вещества в порядке» ¹⁾.

В «Науке логики» Гегель замечает: «Собственно науке предстоит задача определить показатель отношения ряда удельных весов, как системы, на основании правила, которое превратило бы чисто арифметическое множество в ряд гармонических узлов. Это требование применимо и к познанию указанных рядов химического сродства. Однако наука еще далека от решения этой задачи» ²⁾.

Как известно, наука с тех пор сделала большие шаги вперед. Так, химические элементы уже «расположены в порядке» в таблице Менделеева, и мы имеем в этой области уже не «безразличное сопоставление», а «ряд гармонических узлов» с вполне рационально объясненными переходами от одного элемента к другому и от одного ряда (из 8 элементов) к другому ряду.

Подобно этому, в биологии «безразличное сопоставление» различных видов животных в значительной мере преодолено благодаря эволюционной

¹⁾ Гегель, Философия природы, М. 1868 г., стр. 391.

²⁾ Цитирую по К. Фишеру, стр. 494. В «Науке логики» соответственное место на стр. 254.

теории. В геологии у Кювье еще нет вовсе развития. У Ляйбелля существует процесс преобразования форм, но нет закономерности в линии этого развития, нет поэтому, закономерной «узловой линии отношения мер». «Для него, — говорит Энгельс, — не существует охлаждения земли: земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом» ¹).

История человеческого общества перестает быть коллекцией случайных общественных форм благодаря открытию законов общественного развития.

На этих примерах видно, что мы находим узловые линии и получаем научное представление об отношении мер, поелику в отношениях обнаруживается система, правило или закон.

«Великая заслуга познать эмпирические числа природы, например взаимные расстояния планет; но еще неизмеримо большая заслуга заставить исчезнуть эмпирические определенные количества, возвысить их до общей формы количественных определений так, чтобы они стали моментами закона или меры» ²).

Мы наблюдаем, что вода кипит при ста градусах всегда, когда имеются соответствующие условия (давление и проч.), и эмпирический факт

1) Энгельс, Введение к «Диалектике в природе».

2) Гегель, Наука логики, стр. 237.

становится правилом или законом. В правиле или в законе, как в мере более высокой формы, снимается непосредственное бытие единичных мер.

К. Фишер говорит о различии между правилом и законом: правило, не имеющее исключения, становится законом (Фишер, «Гегель», стр. 492). Как видим, «количество переходит в качество» и в пределах развития определений самой меры. Но Фишер не там говорит о законе, как о мере, где собственно следует говорить об этом, ибо закон связан не с «правилом», как мерил о м (мерило — нечто произвольное), а через правило и закон мера становится выражением того общего, что лежит в основе явлений, выражением закономерности явлений.

Здесь мы остановимся в следовании за Гегелем в изображении различных отношений и моментов «меры». Эти отношения, в их абстрактном изображении, представляют собой схематический снимок с действительных отношений, как они существуют в природе. Они не отделены от природы. Понять их в общей форме необходимо, чтобы легче было двигаться во всяких единичных формах.

Рассматриваемые в общей методологии категории, обособленные от единичного, представляют собой лишь скелет науки. Но наука, не имеющая твердого скелета, есть бесхребетная наука ползучего эмпиризма, — нечто лишенное всякой опоры, всякой твердой почвы.

5. Методологическое значение категории «качества»

Логический анализ категории «меры» у Гегеля достаточно убедительно доказывает, что вопрос о категориях качества и количества, об их отношении и, прежде всего, об их единстве не так прост, как это представляется с вульгарной механической точки зрения.

«В механике мы не встречаем никаких качеств» (Энгельс) ¹⁾. Поэтому, также в механике всякое противоречие представляется в простейшей форме антагонизма двух (или нескольких) сил, «внешних» по отношению друг к другу.

Воззрение, рассматривающее механические отношения как всеобщую форму отношений, и всякое движение как механическое, сводит всякое противоречие, лежащее в основе развития, к внешнему столкновению количественных моментов, а «качество» — к отношению количеств. «Качество» с этой точки зрения представляется некоторым равновесием количественных моментов, т. е. по существу «качество» как самостоятельная категория упраздняется. Вместе с тем диалектическое отрицание подменяется механическим отрицанием, закон отрицания отрицания заменяется сложением и вычитанием. Всем этим устраняется самая основа метода диалектики.

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 223.

«Условие познания всех предметов мира в их «самодвижении», в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей» (Ленин). Но механическое понимание противоречия заслоняет момент единства. Поэтому также с этой точки зрения нельзя говорить о «саморазвитии»: механическое понимание в переводе на язык логики — это формально-логическое понимание. Оно знает тождество, которое есть только тождество, или различие, которое является только различием. Никакого «единства», которое является единством их различия и тождества, с этой точки зрения понять невозможно. Но тогда нельзя понять также единства количества и качества, «меры», нельзя понять связи их переходов.

«Количество переходит в качество» — так обычно мы выражаемся. Правильнее было бы сказать: одно качество сменяется другим в результате количественных изменений. Что лежит в основе этого процесса? Внутреннее противоречие, присущее каждой реальной «мере» в процессе ее «самодвижения».

«Отличительный характер всего конечного составляет то, что оно снимается само собою». «Все конечное не ограничено только извне, но по своей собственной природе снимается и переходит в свое противоположное» ¹⁾.

¹⁾ Гегель, Энциклопедия, § 81.

«Отрицательное принадлежит самому содержанию и представляет собой также положительное, будучи имманентным движением и определением этого содержания» 1).

Именно в этом «самодвижении», в этом имманентном и «положительном» объективном характере отрицания заключается отличие диалектического отрицания от метафизического, не-диалектического.

Чисто методологическая разница между анархистским или пацифистским «отрицанием» войны, государства, насилия и пр. и «отрицанием» марксистским, ленинским, — эта разница бросается в глаза. В чем здесь основное? В том, что марксизм, диалектика требуют в самой системе капитализма, в самом объективно-историческом смысле империалистической войны и т. д. отыскать те силы, те противоречия, опираясь на которые революционный класс может эту систему, эту войну и т. д. опрокинуть.

Исторический смысл, историческая «правда» империалистической войны состоит в том, что через нее производительные силы мирового хозяйства стремятся освободиться от стесняющей их системы распределения, от системы капиталистической конкуренции. «Недостаточность» этой «правды» заключается в том, что империалисти-

1) Гегель, Феноменология, стр. 27.

ческая война может устранить только отдельных конкурентов, но не уничтожить всей системы, препятствующей развитию производительных сил. Полное решение вопроса — в устранении всей этой системы, в уничтожении конкуренции вообще через уничтожение капитализма. Таким образом, гражданская война против буржуазии оказывается единственным путем к дальнейшему развитию, являясь вместе с тем единственно возможной формой «восполнения недостаточности» (выражаясь в терминах Гегеля) объективно-исторического «смысла» империалистической войны. «Если опровержение основательно, — говорит Гегель, — то оно борется и развивается из самого принципа, а не делается извне путем противоположных уверений и случайных мыслей» ¹⁾.

«Опровержение» метафизическое, как, например, «опровержение» анархистами всякой государственной власти, действительно «делается извне путем противоположных уверений». Таков их метод. Но именно к этому методу скатываются некоторые механисты. Возьмите, например, т. Сарабьянова. Он, разумеется, далек от анархизма, но, говоря о переходе количества в качество, он дает чисто механическую концепцию: антагонизм двух сил, количественный перевес одной — и вот вам «скачок», переход к новому качеству.

¹⁾ Гегель, Феноменология духа, перевод Радлова, стр. 10.

Тов. Сарабьянов скатывается к вульгарной (в смысле неаучности) метафизической, антидиалектической методологии.

Он механически понимает «отрицание», потому что механически понимает «противоречие». А последнее непосредственно связано с механическим же пониманием отношения «количества» и «качества», т. е. внутренней диалектики «меры». И чего он не понимает в «мере» из двух соответствующих ее моментов, так это «качества».

Интересно, что т. Сарабьянов, столько книг написавший по вопросам диалектики и столько в этих книгах топтавшийся именно вокруг вопроса о «качестве», не счел нужным очень задерживаться на вопросе о методологической ценности этой категории, ограничиваясь поисками схоластических определений.

Мы здесь сможем в этой статье остановиться лишь на некоторых моментах методологического характера, связанных с вопросом о качестве.

Успехи, достигнутые в науке в результате успехов количественной обработки опытных данных, имели, между прочим, тот результат, что математическим методам кой-где стали придавать абсолютное, универсальное значение. «Царство качества — темное царство инстинкта, период начал; царство количества постепенно его вытесняет в области познания — это будущее нашего

духовного владычества»¹⁾. Эти выпренные слова являются в некотором роде «знамением времени».

«Только измеренное является изученным», говорил Гегель. И это совершенно верно также с точки зрения марксизма. Каждая вещь представляет собой известную «меру», и она еще далеко не изучена, если неизвестна точно та амплитуда «количественных» изменений, которая в разных условиях данной «мере» присуща и с ее качественной определенностью совместима. Есть науки, где количественные измерения даются сравнительно легко, как в астрономии, в физике и пр.; есть другие науки, где они даются с большим трудом, как в психологии и пр. Но нет сомнения, что повсюду все больше проникает и должен проникать количественный анализ.

Это, однако, вовсе не значит, что категория «качества» теряет свое значение и меркнет в сиянии количественного изучения, как луна на заре. Примером может служить статистический метод. Его успехи огромны; за последние десятилетия он завладел большими новыми областями в биологии, в физике и пр. Но если в биологии и физике его применение весьма отдаленно связано с классовыми интересами, то в области изучения общественных явлений эта связь близка и несомненна.

1) А. Б. Рой, Энергетическое и механистическое понимание, СПб., 1910 г., стр. 199.

Эта связь и является, между прочим, социальным источником тех методологических ошибок, которые в статистике можно резюмировать как недостаточную оценку значения качественного, «материального» анализа.

«Политика есть счет миллионами», — говаривал Ленин. Статистика также «считает миллионами». Вопрос в том, как считать. Для Ленина эти «миллионы» были миллионами пролетариев, полупролетариев, буржуазии и т. д. В основе лежит классовый анализ общества, т. е. определенный «качественный» его анализ. Наоборот, буржуазная социология стремится затушевать классовую природу общества, и соответственно с этим буржуазная статистика качественного характера классовых различий обычно игнорирует, сводя дело к чисто количественному, различию в степени «дохода», в «имущественном положении» и пр.

Государственная статистика дает, например, общую группу «лиц, занятых в сельском хозяйстве» или в транспорте и т. п., сваливая туда вместе и мелких хозяйчиков, и капиталистов, и бедняков, и пр.

Ленин уже 30 лет назад назвал подобные приемы статистики «игрой в цифирки». Раньше чем создавать план измерения, счета, Ленин предварительно определял само понятие, давал «материальный», качественный анализ подлежащего изучению явления. Это и есть единственно теоретический,

состоятельный метод. Все экономические работы Ленина 90-х годов, в особенности «Развитие капитализма», являются прекрасной иллюстрацией этого метода.

В 1914 г. Ленин пишет «О задачах земской статистики» и в первую голову останавливается на вопросах методологического порядка. Основное сводится у него к тому, что количественное изучение должно быть поставлено на основе изучения качественных различий. «Данные о каждом из 300.000 дворов... могут быть великолепны, — пишет В. И., — но для научных целей, для понимания экономики России эти данные могут пропадать почти совершенно, если неудовлетворительна обработка их. Ибо общие средние... говорят мало». «Цифры должны быть размещены в таблицах так, чтобы эти таблицы отражали различные типы переходных хозяйств от натурального до торгово-промышленного». «Желательно и необходимо группировать дворы не только по землевладениям, но и по величине посева... по величине посева торговых растений» и т. д. И дальше:

«Без разносторонних и рационально составленных групповых и комбинационных таблиц богатейшие подворные данные прямо-таки пропадут. В этом — наибольшая опасность современной статистики, которая все чаще страдает... я бы сказал, «статистическим кретинизмом», за деревьями исчезает лес, за горами

цифр исчезают экономические типы явлений»¹⁾).

Я извиняюсь перед «марксистами», которые не любят, когда им говорят о Гегеле, но все же рискну здесь указать, что ленинское замечание насчет «игры в цифирки» ближайшим образом напоминает то, что Гегель писал в своей «Малой логике» (и именно там, где он переходит от количества к «качественному количеству», к мере): «В статистике числа, которые стараются определить, представляют интерес также только по отношению к устанавливаемым ими качественным результатам. Чисто числовые изыскания, делаемые без указанной здесь руководящей точки зрения, справедливо считаются за праздное любопытство, которое не удовлетворяет никакому, ни теоретическому, ни практическому интересу» (§ 106 приб.)²⁾.

Статистические средние величины, над которыми иногда смеялся Ленин, имеют какое-либо значение только тогда, когда они обладают определенным качественным значением: «Дело статистика, — пишет М. Смит, — уметь выбрать надлежащий тип средней, определить, нужны ли в каждом конкретном случае простая средняя, мода, медиана и т. д., но он может приняться за эту,

Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 311 и 309. Подчеркнуто мною — А. С.

²⁾ Статистика и математика, — говорит Гегель также в «Науке логики», — только тогда заслужат название науки, когда они будут заниматься не только количеством, но и мерою.

работу лишь после того, как соответствующие знатоки специалисты определили природу и границы того коллектива, который должна характеризовать средняя, или, иначе говоря, произвести предварительную аналитическую работу. Ибо вне этого условия мы как раз и получим тот вид арифметической средней, о которой Боули так остроумно сказал, что «арифметическая средняя сама по себе скорее способна затемнить, чем выявить, важные факторы и по природе своей пригодна для сокращенных выводов и часто служит оправданием лени»¹⁾).

Такое же ограниченное значение имеют и кривые Гаусса и Пирсона, система которых «подчиняется лишь чисто-математическим требованиям, а не требованиям того материала, для обработки которого она предназначается»²⁾).

В предисловии к сборнику «Статистический метод в научном исследовании» М. Смит совершенно справедливо ставит основной вопрос: «От числа к материи или от материи к числу — такова в общем и целом постановка вопроса. В конце концов, защитники статистического мировоззрения, горячо отстаивавшие сперва положение, что при всяком научном исследовании «вначале быть число», постепенно перешли на другую точку

¹⁾ «Статистический метод в научном исследовании», сб. под редакцией М. Смита и А. Тимирязева, М. 1925 г., стр. 13.

²⁾ Там же, стр. 209.

зрения, согласно которой при каждом количественном изучении вначале должна быть «организующая идея», причем сама организующая идея является плодом материального анализа объекта количественного изучения»¹⁾.

Вопрос «от материи к числу, или от числа к материи» приобретает особое значение ввиду существования в современной буржуазной науке такого «увлечения» математическими методами, такого абсолютизирования их, которое выходит за рамки теоретически состоятельного и приводит прямым путем к философскому идеализму. Особенно это заметно в современной физике. Очень значительное направление физиков-математиков отрывает исследование от его материальной базы и, в конце концов, свои априорные математические конструкции выдает за истинную действительность. Это делается так, что если, например, физика приходит к некоторой постоянно встречающейся величине, вроде так называемой постоянной h Планка, «физическая» материальная сущность которой остается некоторое время неизвестной, то это дает повод некоторым исследователям успокоиться на мысли, что в данном случае имеется чисто-математическое отношение — и только.

Подобным же образом электроны принимаются за простые математические точки трехмерного

¹⁾ «Статистический метод в научном исследовании», сб. под ред. М. Смит и А. Тимирязева, М., 1925 г., стр. 3.

пространства (а если мир принимается за «четырехмерный», то точки становятся «линиями»). Электромагнитное поле, масса, энергия — все это, весь мир создается взаимоотношением математических точек. Материи нет. Мы возвращаемся к своего рода пифагорейскому представлению: сущность мира — это число!

Соответственно с этим причинные соотношения также объявляются фикцией. Для математика нет понятия причинности, а есть только функциональная зависимость.

Ленин назвал это направление в физике «физическим» идеализмом. «Реакционные пополнения, — пишет Ленин, — порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому, получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе». И дальше Ленин заключает: «Герман Коген, восторгающийся идеалистическим духом новой физики, доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы — для ради внедрения в гимназистов духа идеализма, вытесняемого нашей материалистической эпохой»¹⁾.

¹⁾ Ленин, т. X, стр. 259—260.

«Физический идеализм» воображает, что, он выплывает на высшую ступень науки, если игнорирует материальную качественную природу изучаемых объектов, так сказать «освобождается от качества». Довольствуясь только математической оболочкой мира, он делает из беды добродетель. На самом деле углубление в мир чистых математических признаков — это выражение бессилия проникнуть в действительный мир и дать ему более или менее законченное не только количественно, но и качественно определение.

В науке нередко проникнуть в качественную природу явления бывает труднее, чем дать ему количественное выражение. Так в политической экономии количественные различия стоимостей были известны и до Маркса, но неизвестна была их качественная природа. Стоимость у Маркса приобрела полноту определения меры, потому что Маркс открыл ее дотоле неизвестное «качество». В письме к Энгельсу в 1867 г. Маркс пишет о «Капитале» следующее: «Самое лучшее в моей книге: 1) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительской или в меновой стоимости. На этой теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов»¹⁾.

¹⁾ Маркс и Энгельс, Письма, Москва, 1923 г., стр. 168.

Заработная плата, как определенное эмпирическое явление, с его количественными определениями, была известна задолго до Маркса. Но не было известно все то, что Маркс раскрыл как природу «переменного капитала».

В физике природа тяготения оставалась неизвестной, когда была дана количественная характеристика закону тяготения. Для целей астрономии и для многих других теоретических и практических целей было достаточно ньютоновское представление о тяготении, как о приложенной силе, действующей пропорционально массам и обратно пропорционально квадрату расстояния. В этом не было ничего «антинаучного». Но если сделать «из беды добродетель», если огульно отказаться от проникновения в качественную природу различных явлений, ограничиваясь нахождением для них соответствующих математических символов и формул, то мы уйдем из действительного мира в мир призраков, погрузимся в ту ночь абсолютного тождества, о которой сказано, что в ней «все кошки серы».

«Сравнительный метод имеет своей задачей привести наличные различия к тождеству. Материализм и является той наукой, которая осуществляет эту цель наиболее полным образом, т. е. она приводит различия к тождеству. Но это тождество есть чисто формальное, внешнее, отвлеченное тождество. Однако за отвлеченным

тождеством вещей не следует забывать их различия»¹⁾.

Ленин потому и отвергал статистические «средние», что они ступшевывают все «различия», замаскировывают их.

«Подведение множества случаев под один общий принцип Гегель никогда не называл диалектикой», — писал Маркс по поводу Лассалья²⁾.

Для Ленина те «миллионы», которыми «считает» политика, были качественно определенными классовыми миллионами. Но и самый класс Ленин рассматривает не как нечто сплошное, но в его исторически складывающихся прослойках.

«Капитализм, — говорит Ленин, — не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов — от пролетария к полупролетарию, от полупролетария к мелкому крестьянину и т. д., если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земельных, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»³⁾.

Что этому противопоставляет буржуазная социология? Социальный атомизм, ступшевывание всех классовых граней, маскировку. Примером

1) А. Деборин, *Философия и марксизм*, Гиз, 1926 г., стр. 265.

2) Маркс и Энгельс, *Письма*, М., 1923 г., стр. 121.

3) Ленин, т. XVII, стр. 162.

такого рода методологии «социального атомизма» является в частности и буржуазная политическая экономия с ее «робинзонадами», политическая экономия, исходящая из отношения отдельных индивидов, из индивидуальных психологических моментов (австрийская школа) и т. п.

В лучшем случае, что может дать подобный метод — это более или менее удачное описание отдельных моментов изучаемого явления. Но это описание не только еще далеко от объяснения, но может увести в сторону от объяснения, т. е. сыграть чисто отрицательную роль (как это в частности и имеется у Бем-Баверка и его школы).

Вообще говоря, чисто количественный метод является методом описательным. Он в разных случаях (как в статистике, где качество тоже необходимо вторгается в исследование) только приводит к объяснению сущности явлений. Поэтому также само по себе математическое познание не знает категории «сущности», не вводит в «сущность» вещей, не знает причинных зависимостей. Оно внешне прилагается к предмету изучения, не будучи в состоянии раскрыть предмет в его «самодвижении». А без того, чтобы понять предмет в его «самодвижении», без того, чтобы за «явлением» предмета вскрыть его «сущность» — без этого нет диалектического понимания.

Мы не можем здесь останавливаться подробнее на этих моментах. Укажем только на то, что Гегель

же в «Феноменологии духа» дал прекрасную общую характеристику «математического познания», которая в наше время прямо может быть направлена как против математического мистицизма современных физиков-идеалистов, так и против наших доморощенных механистов, которые усердно этим идеалистам подпевают.

«В математическом познании, — пишет Гегель, — рассмотрение есть действие внешнее для знания». В математике все приведено в абстрактное мертвое тождество. Те различия, которые там есть, сами являются различиями в абстракции тождественных моментов. «Принцип величины, различия, не постигнутого в понятии, и принцип равенства абстрактного безжизненного единства не могут сочетаться с чистым беспокойством жизни и абсолютным различием».

«Мертвое не движется, так как оно не устанавливает различий сущности, существенного противоположения или неравенства, поэтому не достигает перехода в противоположное, не приходит к качественному, имманентному движению, к самодвижению» (подчеркнуто нами. — А. С.).

И вот еще для современных «физических идеалистов», воображающих, что в своих априорных математических построениях они создают действительную ткань мироздания: «Действительное не есть пространственное в том виде, как оно рас-

считается в математике; такой недействительностью не занимаются ни конкретное чувственное созерцание, ни философия. В такой недействительной сфере может быть также только недействительное истинное, т. е. фиксированные мертвые положения»¹⁾).

Здесь мне хотелось бы остановиться еще на некоторых моментах, связанных с вопросом о «качестве», о «переходах» и пр. Но, чтобы быть кратким, я коснусь только мимоходом вопроса о методологическом значении категории «постоянства» или «относительной устойчивости» (с этой категорией связано определение «качества», как я об этом уже говорил в предыдущих главах настоящей статьи).

У нас обычно, говоря о диалектике «переходов», ограничиваются вопросом о «скачке». Это, конечно, очень важный и значительный вопрос. Переломные моменты, повороты, «скачки» предполагают, однако, свое противоположное: периоды относительного постоянства, относительной устойчивости. И этого не следует забывать. В природе и в обществе постоянно одно переходит в другое, но из-за этого не следует игнорировать границ, игнорировать различий.

«Нет ни одного явления, — пишет Ленин, — которое бы не могло, при известных условиях,

¹⁾ Гегель, Феноменология духа, перевод Радлова, стр. 19—21.

превратиться в свою противоположность». «Но, — продолжает он, — только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую» ¹⁾.

«В природе (и обществе) нет ни абсолютного постоянства, ни абсолютной изменчивости» (Деборин).

Смена моментов крутого перелома и периодов относительной устойчивости дает некоторую «узловую линию развития» в общественной жизни, с диалектическим характером которой следует считаться и со стороны переломов и со стороны ее периодов «постоянства». Если бы не было этого относительного постоянства, было бы невозможно на сколько-нибудь продолжительный период вперед принимать решения тактического, а тем более стратегического характера.

Что такое стратегия партии?

Я обращаюсь к определению т. Сталина. «Стратегия есть определение направления основного удара пролетариата на основе данного этапа революции. Борьба за проведение этого плана на всем протяжении этого этапа». «Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь

¹⁾ Ленин, т. XIII, стр. 439.

в основном без изменения за весь период данного этапа» ¹⁾).

Но в пределах данного этапа, периода и проч. могут быть и неизбежно бывают свои особые времена переломов и пр. Ленин говаривал, например, о «переходных периодах в переходном периоде». Относительно устойчивый период сам состоит из цепи более «мелких» этапов развития.

С этим связана необходимость в политике, кроме стратегического плана на сравнительно большой период, иметь еще тактический план для каждого отдельного этапа внутри этого периода.

«Тактика, — говорит Сталин, — есть определение линии поведения пролетариата за сравнительно короткий период прилива или отлива движения, подъема или упадка революции» и т. д. «На основе данного этапа революции тактика может меняться несколько раз».

В области организационной, в области партийного строительства, если остановиться на положении «все течет» и проч. и игнорировать существование и необходимость относительной устойчивости форм, — можно притти к формуле: «организация — процесс», против которой большевизм боролся в первые годы существования партии в России.

¹⁾ Сталин, О Ленине и ленинизме, стр. 68 и 69. Подчеркнуто мною — А. С.

В 1904 г. Троцкий писал: «Мы не выставляем самостоятельных организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно, в процессе политической борьбы». Ленин, выступая против этого, отстаивал необходимость «постоянной политической организации пролетариата» с твердым организационным уставом и при обрушивался на людей, которые готовы нарушать правила организации, «рассуждать потом, что организация есть процесс, организация есть тенденция, организация есть форма, идущая в ногу с содержанием, и что поэтому нелепо и утопично требовать соблюдения правил организации» ¹⁾.

Форма действительно меняется с содержанием, но она меняется «скачками» и должна носить между моментами поворотов более или менее определенный, законченный характер. В противном случае получится такое «и да, и нет», которое с диалектикой имеет общего очень мало. Это будет то самое: «с одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться», которое так прекрасно характеризует типичные шатания мелкобуржуазной соглашательской политики, ничего общего не имеющей с революционным марксизмом, с ленинизмом.

¹⁾ «Ленин о Троцком и троцкизме», Москва, 1925 г., стр. 19 и 20.

6. Механический материализм и категория «качества»

«Если выделить самое ядро, самое существо спора, то будет ясно, что развернулась борьба между двумя непримиримыми точками зрения»¹⁾.

Так писал по поводу спора в марксистском лагере между механистами и диалектиками т. Степанов.

«Философскому нейтрализму нет теперь места», — писал он в другой раз²⁾.

Недурно сказано! Умные речи приятно слышать.

В чем же «ядро спора»? Я думаю, что вопрос о категории качества является как раз одним из тех центральных вопросов диалектического материализма, которые входят в это «ядро».

Механисты отрицают качество. Было бы, разумеется, верхом наивности предположить, что они просто-напросто заявляют: нет никаких качественных различий, и баста! Дело обстоит значительно сложнее.

Тов. А. К. Тимирязев в одной своей речи на диспуте по вопросам «механистического естествознания» таким образом формулировал спорную проблему: «может ли марксист, стоящий на почве

1) См. «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3, стр. 212.

2) И. Степанов, Исторический материализм и современное естествознание, М., 1924 г., стр. 9.

диалектического материализма, говорить о «механическом объяснении явлений, протекающих в живом организме, и можно ли вообще сложное сводить к простому?»¹⁾).

«Можно ли сводить сложные явления к простым»? И т. Тимирязев, примыкающий в данном случае к механистам, на этот, по его словам, «основной вопрос» отвечает положительно, считая, что именно этим методом пользуется, как правилом, научное исследование.

Этот вопрос можно формулировать иначе — как вопрос об отношении целого и частей. Механистическое понимание считает, что в целом нет ничего, чего не было бы в частях, целое может быть «сведено» к частям, оно есть сумма своих частей. Но в этом случае целое не является по отношению к своим частям чем-то качественно новым, между ним и частями его признается лишь количественное отношение... Т. е. собственно целого, как такового, нет.

Речь т. А. К. Тимирязева, в которой он ставит указанный вопрос, любопытна тем, что т. Тимирязев тут же сам наголову разбивает свой собственный «тезис», сам того не замечая. Делает он это столь артистически, что ложность механической

¹⁾ «Механистическое естествознание и диалектический материализм». Дискуссионный сборник, 1925 г., стр. 18. Подчеркнуто мною; у автора подчеркнута вся эта фраза целиком—А.С.

концепции становится кристаллически ясной. Судите сами. Он говорит:

«Можно ли говорить о температуре одной молекулы? Вопрос не имеет смысла, можно говорить только о скорости, с которой она движется. То качество, которое мы называем словом «температура», появляется только тогда, когда мы имеем достаточно большое количество движущихся и взаимодействующих между собой молекул». И дальше: «Два твердых цилиндра,двигающихся в воде, двигают вместе с собой значительно больше воды, если они расположены вблизи друг от друга; таким образом, производимое ими действие не равно простой арифметической сумме действий каждого в отдельности. Здесь опять мы видим, что коллектив не есть простая сумма его членов».

Что верно, то верно! Однако как же отсюда сделать тот вывод, что «вообще» сложное можно сводить к простому? Это, повидимому, особый секрет т. Тимирязева, запутавшегося между совершенно верными рассуждениями из области физики и совершенно ложными «механистическими» выводами методологического порядка.

Если поверить философским рассуждениям т. А. К. Тимирязева, будто научный метод состоит в «сведении» сложного к простому, то в политической экономии прав будет Бем-Баверк, а не Маркс. Бем-Баверк оперирует с индивидуальным сознанием хозяйствующего субъекта, а Маркс

исследует «закономерность общественных явлений безотносительно к их связи с явлениями из области индивидуального сознания»¹⁾).

Буржуазные экономисты обвиняли Маркса в «логическом реализме» за то, что он исходил, как из самодовлеющего целого, из такого «сложного» явления, как общество.

Подобно этому, в наше время наши доморощенные механисты из марксистского лагеря готовы упрекать «школу Деборина» в средневековом «реализме» за признание реальности таких «общих понятий», как виды в животном мире или как классы в обществе. Ведь, видите ли, «истинным бытием» обладают только индивиды!

Для механистов такая позиция естественна, несмотря на всю нелепость отрицания реальности таких конкретных понятий как общество, класс и пр. Ведь общество, класс и пр. есть целое, есть нечто качественно новое по отношению к входящим в состав его индивидам. А с точки зрения механистов реально существует только «простое», реальные части, но нет целого, как чего-то отличного от суммы частей.

«Чисто количественная операция деления имеет границу, у которой она переходит в качественное различие: масса состоит из одних молекул, но она по существу отлична от молекул, как и последняя,

¹⁾ Бухарин, Политическая экономия рабства.

в свою очередь, отлична от атома. На этом-то отличии и основывается обособление механики, как науки о небесных и земных массах, от физики, как механики молекул, и от химии, как физики атомов»¹⁾.

О чем говорит Энгельс в этих словах? Он говорит здесь, что: 1) сложное нельзя свести к простому, 2) потому что сложное не только количественно, но и качественно отлично от «простого», 3) поэтому также физику и химию нельзя свести к механике, ибо между ними качественное различие. Разумеется, что это в наименьшей степени относится и к органике, к социологии и пр.

В противоположность этому, самая «суть» механического понимания заключается в стремлении все отношения свести к механическим и в полном отрицании тех качественных различий, о которых пишет в данном случае Энгельс.

Очень решительно высказывается на этот счет т. Степанов. Качественные различия — это грех молодости человеческого познания, дань невежеству. Наука сотрет эти различия. «То обстоятельство, что бытие до сих пор остается многокачественным для нашего познания... свидетельствует, мои милейшие критики, не о прогрессе науки, а о ее большой молодости»²⁾.

1) «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 223.

2) «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 8—9, стр. 66.

Они все еще ищут «качеств» — говорит т. Степанов о своих философских противниках из марксистского лагеря¹⁾. Качества уже даны, говорит он. Но вот он предлагает «грубое выражение» «качества» заменить «несравненно более тонким и глубоким»: «формы движения»²⁾.

Зачем вдруг понадобился т. Степанову этот «терминологический» переворот? Конечно, его цели выходят за пределы «терминологии». Он просто хочет свести все изменения, все формы движения к механическому движению, стирая качественную разницу между ними и всякую закономерность — к закономерности механической.

Я не буду здесь останавливаться на том, что, вопреки т. Степанову, Энгельс не «сводил» всех форм движения к механическому движению.

Плеханов также писал, что материализм отнюдь не «сводил всех сил к движению»³⁾.

Но у механистов их утверждение, что механическим движением исчерпываются все виды движения, это утверждение связано с непониманием особых закономерностей, которые отличают «органику» от химии и физики, явления социального порядка от явлений естественных и т. п.

1) Вышеуказанный «Дискуссионный сборник», стр. 17.

2) «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3, стр. 224. При этом т. Степанов все упоминает имя Энгельса.

3) Плеханов, Критика наших критиков, 1906 г., стр. 158 и 161.

Так, т. Степанов считает, что «задача научного познания процессов органической жизни» заключается в том, чтобы «открывать в них те общие и относительно простые закономерности, которые установлены физикой и химией»¹⁾.

Таким образом, у т. Степанова выходит, что достаточно быть блестящим физиком и химиком, чтобы быть также прекрасным лекарем, ибо в организме нет никаких процессов, кроме тех, которыми занимается физика и химия.

Указание на то, что мертвая и живая материя качественно различны, приводит его в состояние священного негодования. Он считает это «витализмом».

Вот другой механист, Г. Г. Боссэ. Он ополчается в защиту позиции т. Степанова и нападает на т. Стэна за то, что тот, видите ли, «объявляет недопустимость одного количественного изучения мира как метода абстракции»²⁾.

Г. Г. Боссэ думает, что качественное изучение — это временное зло, с которым пока приходится мириться «там, где количественный анализ не удается». Совершенно в духе механического мировоззрения он хочет также все сложные и своеобразные закономерности различных областей

1) «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3, стр. 219.

2) Указанный «Дискуссионный сборник», стр. 60.

жизни «свести к простому», например: подвести под законы общественной жизни... «механистический фундамент».

Сможем ли мы, спрашивает Боссэ, выработать приложимый к анализу социальных явлений «метод физико-химико-биологический»? И отвечает, подчеркивая: «У нас не сделано ни одного шага в этом направлении». Были, дескать, неудачные попытки некоторых буржуазных социологов, но... «Но ведь прошлые неудачные подходы не доказывают принципиальную невозможность подведения количественного диалектико-материалистического механистического фундамента под социологию»¹).

Я не думаю здесь останавливаться на том, сколь далека от марксизма попытка специфические социальные закономерности свести к естественным. Это совершенно ясно для каждого, чуточку знакомого с марксизмом.

И Маркс, и Энгельс, и Ленин достаточно резко и определенно высказывались на этот счет. Все подобные рассуждения механистов свидетельствуют о полном их незнании с основами марксизма.

«Перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза, — говорил Ленин²). — Нет ничего легче, как наклеить

¹) «Дискуссионный сборник», стр. 63 и 64.

²) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, изд. 1920 г., стр. 336.

«энергетический» или «биолого-социологический ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие». Суть в том, что «приемы этого подгоняния, этой социальной энергетике» сплошь фальшивы¹⁾.

Физические и прочие законы, конечно, продолжают действовать; но 1) — и это главное — они нисколько не могут ни объяснить, ни заменить своеобразных законов общественного развития, 2) общественные условия могут сами видоизменять действие законов природы (как в случае законов размножения расы и пр.). Совершенно справедливо говорит т. Невский: «Сами анатомические, физиологические и всякие иные изменения в организме человека — разве они не несут на себе каинев отпечаток классовой структуры общества? Несут, это очень хорошо знают теперь даже студенты, прошедшие курс политической грамоты»²⁾.

Старые предрассудки живучи. До сих пор можно встретить рассуждение на тему о том, что революции связаны с... солнечными пятнами. Понятно, что буржуазия заинтересована в том, чтобы вносить путаницу в изучение социальных закономерностей под видом «ужасно» ученых рассуждений о связи

¹⁾ Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, изд. 1920 г., стр. 335.

²⁾ «Воинствующий материалист», сб. № 3, стр. 29.

революции со спутниками Юпитера, или с кольцом Сатурна, или что-нибудь в этом роде. Но при чем тут марксизм?

Тов. Степанов по существу тоже не очень далеко ушел от Босса в этом вопросе. Он пишет что «исследователю нечего и мечтать» о том, чтобы сложные социальные явления выразить «в единицах механики или в калорийных единицах». Но что это означает у т. Степанова? Это означает, что пока мы не в состоянии свести общественные явления к физико-химическим законам, ибо фактически слабы еще наши научные силы и средства, но это не значит, что принципиально невозможно подобное сведение.

Как раз по этому поводу, т. Степанов цитирует Энгельса: «Исключительное применение мерил механики к явлениям, природа которых химическая и органическая, к явлениям, в которых законы механики, конечно, продолжают действовать, но оттесняются на задний план другими высшими законами (курсив наш.— А. С.), — составляет специфическую, но для своего времени неизбежную ограниченность классического французского материализма».

По поводу этих слов Энгельса, искажая их смысл, т. Степанов замечает: «значит, оперируйте высшими, более сложными законами лишь до тех пор, пока это необходимо. Но, смотрите, не придерживитесь на этом: когда наука даст возможность

сводить химию и биологию к молекулярной... механике, производите это сведение»¹⁾).

Ясное дело: если т. Степанов не «сводит» законов революции к механике, то только вследствие «эмпирической» невыполнимости этой операции, а не потому, что этот прием кажется ему «принципиально», т. е. методологически, неправильным. Наоборот, «принципиально» механический материализм сводит все формы движений к одной: к механическому движению. Только это последнее является истинным и действительным, существует «в себе и для себя». Все остальные существуют лишь «для нас» в силу ограниченности наших познавательных способностей.

К такому же абсолютному тождеству приводит механическая философия и понятие материи. Материя для них, совершенно в духе старого домарксовского атомизма, состоит из простейших частиц, которые качественно однородны, не сводимы даже ни к чему, которые составляют «первоматерию» — простейшую, бескачественную основу всего. Естествознание, по мнению т. Степанова, «находит единую материю как таковую (!), как единую первооснову (!) всех форм материи»²⁾. Этой материей «как таковой» являются, конечно, электрон и положительные ядра атомов.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3, стр. 233 и 234. Подчеркнуто мною.—А. С.

²⁾ «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 8 — 9, стр. 59.

«Материя как таковая это чистое создание мысли и абстракция», — пишет Энгельс. «Материя, как таковая — это нечто бескачественное. Действительные предметы мира не бывают бескачественными никогда». Электрон — это простейшее, «первооснова», думает т. Степанов. «Электрон так же неисчерпаем, как и атом», — пишет Ленин (т. X, стр. 220)¹).

Свести все к бескачественной «единой материи как таковой», — это значит признать, что за видимым качественным миром лежит «истинный» мир — бескачественный. Естественно, что механисты только так называемые «первичные качества» считают объективно существующими (я писал об этом по поводу т. Сарабьянова). Но это означает также, что истиной является феноменализм: мы видим вещи не такими, какими они существуют «в себе». Качественное разнообразие мира — это «видимость». Сущность мира — число! Неудивительно, что т. Степанов после этого пишет: «Не приходится ли действительно сказать, что электронная теория строения материи возвра-

¹) Энгельс о механической точке зрения пишет: «Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из тождественных мельчайших частиц» (Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 145).

щает нас к Пифагору, для которого сущность вещей — в числе, в количественной определенности? Если и возвращает, то «на основе всех научных приобретений» громадного последующего за Пифагором периода» ¹⁾.

Поздравляем с возвращением к Пифагору «на основе всех научных приобретений»!

Разумеется, после этого т. Степанов может спохватиться и сказать: а все-таки электроны тоже обладают качествами. Но в его системе это будет только «словом». Да он и сам как будто сознает это. «Впрочем,— заявляет он,— относительно первичных элементов материи, электронов, будет правильно повторить следующие слова Гегеля: «Абстракция материи есть как раз то, в чем хотя и имеется форма, но только как безразличное и внешнее определение». Оно безразлично,— продолжает т. Степанов,— потому, что для современного исследования чисто количественные изменения этих первичных элементов дают все формы материи. Только для современной науки эти первичные элементы — реальность, а не мысленная абстракция материи» ²⁾.

Что говорит в этих словах т. Степанов?

1) Что для «первичных элементов материи» «форма», т. е. качество, безразлична (математические точки — не так ли?).

¹⁾ См. «Под знаменем марксима», 1926 г., № 8 — 9, стр. 59.

²⁾ «Под знаменем марксизма» 1926 г., № 6, стр. 64 и 65.

2) Что его «первичные элементы» — это та самая «абстрактная материя» или «материя, как таковая», реальность которой, по собственному признанию т. Степанова, отрицали и Гегель, и Энгельс.

3) Что эта абстрактная, равнодушная к «формам» материя и есть по Степанову, подлинная реальность.

Словом: сущность мира — число!

Воспринимаем же мы мир как качественный также. Логический вывод: мы «видим» не тот мир, который существует на самом деле, «в себе».

От «механистического материализма» ведет дорожка к феноменализму.

Когда т. Сарабьянов старается уверить почтенных читателей, что он никак не может согласиться с Лениным в вопросе о знаменитых плехановских «иероглифах», что он соглашается считать наши представления чем-то соответствующим внешним объектам, но ни за что не согласится считать их снимками, копиями, отображениями и пр., — то он протягивает руку, феноменализму.

Тов. Бухарин писал о «борьбе со всеми оттенками и отточками идеалистической метафизики вплоть до ее маленьких зернышек — плехановской «теории иероглифов» — о борьбе, которую беспощадно вел Ленин.

Но когда т. Сарабьянов на ошибке Плеханова настаивает, за это «зернышко идеалистической

метафизики» цепляется, то это значит, что «зернышко» пустило уже основательные корни в кое-каких головах.

Возьмите изданный механистами «Дискуссионный сборник» под названием: «Механистическое естествознание и диалектический материализм». Просмотрите речи представителей «механистического» направления в марксизме, и вы увидите, насколько пестра армия механистов. Одни из них идут в своих выводах дальше, другие останавливаются ближе. Но для философской оценки их позиции в целом важно не то, что кто-либо из них останавливается на тех или других неполных, половинчатых выводах. Важна логика их позиции в целом, внутренняя логика их системы.

Если задаться вопросом, в чем главный корень их ошибок, где тот фокус, в котором сходятся нити этих ошибок, то, мне кажется, надо будет ответить, что корень — в непонимании основной категории диалектики — единства противоположностей. Я уже писал, что механисты понимают противоречие как внешнее. Поэтому у них может быть или тождество, или различие, но не может быть единства тождества и различия.

Часть (простое) и целое (сложное). Они в известном смысле тождественны, так как целое состоит из своих частей. Но они и различны.

Формальная логика и механическое (формально-логическое) понимание схватывает только одну сторону: тождество их. Тождество, оторванное от различия, становится ложью. «Первичные и вторичные качества». Звук и тепло, взятые не как ощущения, а в качестве объективных явлений, в известном смысле тождественны с механическим движением: это формы движения молекул. Но они и отличны от него, ибо они объективно представляют особую форму движения, с особыми закономерностями, так что, например, нельзя говорить о «температуре» одной молекулы. Механисты же видят только тождество и говорят: объективно существует только механическое движение; звук, тепло и пр. — только субъективные качества. Абсолютное тождество в объективном мире переходит в абсолютное различие субъективного и объективного: в субъективном восприятии много качеств, в объективном мире только одно механическое движение.

Закономерность. Физика — это «механика молекул», химия — «физика атомов». В организме продолжают действовать законы физики, в обществе — биологические законы. Момент тождества налицо. Но законом сохранения энергии, несмотря на всю его универсальность, не объяснишь классовой борьбы и экономических кризисов. Замечая тождество, механисты игнорируют различие. Социальные законы не свести к биологическим и т. д.

В общем: явление и сущность. Сущность — думают механисты — это количественные отношения. Качественное многообразие принадлежит миру «явлений». Сущность и явление различны. Здесь нет тождества, т. е. нет и «конкретного тождества» — единства, как его понимает диалектика. Здесь только различие.

Такова законченная концепция механической философии, безразлично — додумывают ее до конца отдельные механисты или нет.

Позволительно будет закончить эту характеристику следующими словами Маркса:

«Все грубиянство «здорового человеческого рассудка»... сказывается в том, что там, где ему удастся заметить различие, он не видит единства, а там, где он видит единство, он не замечает различия. Когда он устанавливает различные определения, они тотчас же затвердевают у него под руками, и он видит самую вредную софистику в стремлении так столкнуть между собой эти понятия, чтобы они вспыхнули огнем».

7. Итоги «сарабьяновского вопроса»

В настоящей статье я не ставил себе специальной задачей ответить на новые попытки т. Сарабьянова «оправдаться». Но я мимоходом, говоря о механистах, обстреливал философские позиции т. Сарабьянова и думаю, что затянувшимся спорам с ним надо подвести короткий итог.

Во-первых, т. Сарабьянов заявляет: «На вас лежит обязанность показать, что я сам о себе думаю»¹⁾.

Признаться, мне это казалось не существенным. Это важно лишь в том смысле, что если бы т. Сарабьянов «сам о себе думал», что его система гнет к махизму, к субъективизму, ничего не имеющему общего с марксизмом, если бы он сам это понимал и заявлял вслух, то нам не о чем было бы спорить. В том ведь и загвоздка, что т. Сарабьянов считает себя благонамереннейшим материалистом и диалектиком, а я утверждаю, что его философский корабль, идущий под флагом диалектического материализма, дает здоровнейший крен в сторону «релятивизма, объективизма, актуализма»...

Излагать вас целиком, от доски до доски — покорно благодарю! — Не моя задача. А вот, если я среди ваших доспехов нахожу оружие, которое явно заимствовано из арсенала идеалистической философии, то я это вытаскиваю на свет божий, чтобы добрые люди знали, что тут пахнет «изменной» материализму.

Да вы и сами, т. Сарабьянов, нет-нет, да прямо и назовете вещи своими именами:

«Думаю, что и «мой» субъективизм не так уж легко опровергнуть».

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1926 г., № 6, стр. 73.

«Нас, конечно, релятивизмом не запугаешь. Релятивизм активный мы признаем».

Можно было бы, конечно, сказать: отдельные описки, ошибки, ложные формулировки. Но центр моей аргументации в том и заключался, что все эти ошибки-то направлены в одну сторону, что, следовательно, «в его безумии есть своя система».

В номере 6 журнала «Под знаменем марксизма» за 1926 год т. Сарабьянов поместил статью с целью доказать свою материалистическую чистоту и невинность. Что же, опровергли ли он те обвинения, которые возлагались на его систему? Ничуть!

Во-первых, ряд вопросов он просто проглотил. Уже в статье «Субъективизм и марксизм» я указал, что в своем первом ответе мне т. Сарабьянов обошел вопрос о следующих моментах диалектики, в непонимании коих его упрекали: единство противоположностей, значение «переходов» в диалектике, «отрицание отрицания» и «триада», отношение количества и качества, переход одного в другое, «скачок».

Я констатирую, что по всем этим вопросам т. Сарабьянов «благополучно» отмолчался и во втором своем «вынужденном ответе».

Затем немало страниц своей последней статьи наш «субъективный философ» посвятил уверениям, что $2 \times 2 = 4$ и что он, Сарабьянов, всегда так думал. Так, он уверяет, что психическое есть психическое, что ощущения суть ощущения, а не

фунт изюму, что «все наши ощущения... марксизм относит именно к психическому, духовному миру».

Вот удивительно! А мы и не знали!

Зато т. Сарабьянов не обнаружил ни словом, чтобы он как-нибудь понимал разницу в подходе к вопросу, о так называемых «вторичных качествах», которая разделяет механистов и диалектических материалистов. Он даже не понял, о чем идет речь.

Затем в таком же духе он уверяет, что «без субъекта нет представления, нет ощущения». Он уверяет, что только это он и писал все время в своих книжках, — ничего больше. Но тогда он на свою голову цитирует Плеханова: «Твердить: наше знание субъективно — значит повторять тавтологию».

Тов. Сарабьянов старается доказать, что он «повторял тавтологию», и только. Если бы даже это было так, то это плохо бы вас рекомендовало, т. Сарабьянов. Ибо тогда ведь это о вас говорит Плеханов теми словами, которые вы цитируете: «Нужно много философской наивности для того, чтобы считать в высшей степени важным гносеологическим открытием обнаружение того, что заранее дано в самом понятии знания».

На самом деле т. Сарабьянов не только «повторяет тавтологию». Наивность его лежит в другой плоскости. Он наивен, когда воображает, что говорит то же, что и Плеханов, если говорит: всякая истина субъективна, и «те товарищи,

которые думают, что существует объективная истина... обеими ногами стоят на почве идеализма»¹⁾).

«Вот подлинная фраза т. Сарабьянова из его последней статьи. И он еще думает «почтенных читателей» призвать в свидетели своей невинности, уверяет, что его оклеветали!

«Зачем нам свидетели, вы слышите, как он»... путает!

Сарабьянов считает, что Столяров очернил его в глазах неосведомленных читателей, незнакомых с его философскими брошюрами.

«Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!»

Знакомому с философией марксизма читателю совсем не надо заглядывать в старые брошюры т. Сарабьянова, чтобы достаточно оценить, каково, в общем, качество его философии. Последняя «оправдательная» статья дает для этого сама по себе немало «обвинительного» материала.

В этой статье т. Сарабьянов разбирает, собственно, только один основной вопрос: о субъективизме. И если он что-нибудь доказал там, так это то, что он действительно и основательно увяз в таком субъективизме, который ничего общего с марксизмом не имеет. Назову здесь несколько отдельных вопросов, которые затрагивает в своей статье Сарабьянов и в которых он сбивается на субъективизм: 1) о категории «качества», 2) «мно-

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1926 г. № 6, стр. 67.

жественность истины» и «готтентотская мораль», 3) плехановские «иероглифы», 4) субъективизм и теория классово́й борьбы, 5) существует ли объективная истина.

Первый вопрос. О субъективизме в понимании «качества». Об этом я уже писал выше. Сарабьянов сам называет здесь свою точку зрения в этом вопросе субъективизмом¹⁾.

Второй вопрос. Сарабьянов настаивает, что «возможность задержать распад капитализма дана объективно, но тоже объективно дана другая возможность — ускорить его распад». «Конкретный субъект выбирает: развивать ли капитализм или организовывать пролетариат против капитализма». «Любой из нас может действовать в данном случае в том или другом направлении, несколько не расходясь с самой действительностью»²⁾. И монархия разумна, и борьба с ней разумна — выбирай, что хочешь. «Вот вам две истины».

Вместо «болтовни (!) об объективно-исторических процессах» т. Сарабьянов выдвигает свою теорию «множественности истины».

Все это такая заведомая чепуха, так далеко от марксизма, что просто немислимо в марксистской среде вести споры на этот счет.

1) «Вот вам и субъективизм, от которого ваша «марксистская» душа в пятки ушла», — пишет он. «Под знаменем марксизма» № 6, стр. 70.

2) Там же, стр. 74.

Как же после этого не сказать, что т. Сарабьянов ровно ничего не понимает в философии, в методологии марксизма? Ведь марксизм, по словам Ленина, — да и кому это теперь неизвестно! — «изучает как естественно-исторический процесс рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому».

Тов. Сарабьянов заявляет, что он признает объективную «диалектику» бытия, и тот клеветает, кто думает иначе. Но где же ваша объективная диалектика? Это пустая фраза, а ваши «дела», т. е. ваши рассуждения, ничего общего с объективной диалектикой не имеют. В этом суть, т. Сарабьянов, а не в том, что вы говорите: «господи господи! — я верю в объективную диалектику бытия».

Нечего болтать о струвизме. Струвизм ничего общего с объективной диалектикой не имеет. Струвизм — это вульгарный, метафизический объективизм. А ваша позиция, т. Сарабьянов, — это вульгарный, метафизический субъективизм.

Сюда же относится и ваше утверждение, что так называемая «готтентотская мораль» — это и есть принцип марксистской морали. Жалкая пародия на марксизм! Тов. Сарабьянов слышал, что мораль всегда является классовой моралью, что у каждого класса — свои этические представления, и из этого бесспорного положения он делает вывод: и эксплуататоры и эксплуатируемые одинаково по-своему правы, нет объективных критериев, истина «множественна».

Неужели же еще в марксистской среде эту чепуху нужно опровергать!

Вопреки Сарабьянову, но в духе диалектического материализма, мы считаем, что объективной истиной является то, что существуют объективно реакционные классы и классы объективно революционные и что объективно-исторической ролью того или иного класса определяется общий характер его «морали». Подобно этому, вопреки философии т. Сарабьянова, я считаю, что мы, коммунисты, как в теоретическом, так и в практическом «споре» с буржуазией являемся объективно правыми (в смысле правоты, разумеется, а не в смысле «правизны»).

То, что предлагает т. Сарабьянов, есть субъективная диалектика, иными словами: софистика. Это есть прямая дорожка к поверхностному скептицизму и к нигилизму. Вот почему я совершенно убежден, что сарабьяновская философия не только не верна, но и вредна для нашей советской молодежи, среди которой она распространяется.

Вопрос третий. Тов. Сарабьянов по вопросу о плехановских «иероглифах» пишет: «Не всякая запятая, даже у Ленина, закон для меня. И в данном случае я решительно (!) встал и стою на точке зрения Плеханова»¹⁾.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», № 6, стр. 65.

По вопросу об «иероглифах» я уже писал в предыдущей главе. Эти «иероглифы», по правильному замечанию Бухарина, есть «маленькие зернышки» идеалистической метафизики. Это шаг в сторону субъективного идеализма. Плохо, когда на нем настаивают.

Четвертый вопрос. Видите ли, «субъективизм» и «классовая точка зрения» (то и другое равно берется т. Сарабьяновым в кавычки)—«одно и то же»¹⁾. Ибо: и человек—субъект, и класс—субъект, и общество—субъект.

Верно, что общество может рассматриваться как субъект в определенном отношении. Но сказать, что «субъективизм» и «классовая точка зрения» одно и то же,—это обычная сарабьяновская путаница. Беру пример. Бухарин пишет: метод Маркса в политэкономии есть объективный метод, метод Бем-Баверка—субъективный. Почему? Потому, что первый исходит из явлений общественного порядка, второй—из явлений индивидуального порядка. «Противоположность между объективным и субъективным методами есть противоположность между методами социальным и индивидуалистическим»²⁾.

Тов. Сарабьянов все эти различия смазал, так как у него вообще все кошки... «субъективны».

Вопрос пятый и последний из этого цикла. Но тут начинается снова такая ужасающая сарабья-

1) «Под знаменем марксизма», № 6, стр. 75.

2) Бухарин, Политическая экономия рантье, стр. 34.

новская путаница, что можно притти в отчаяние. Видите ли, те, кто утверждает, что существует объективная истина—«стоят на почве идеализма». Почему? Во-первых, потому, что всякое знание — субъективно (« $2 \times 2 = 4$ »). Во-вторых, потому, что... «разве может материалист утверждать, что имеются представления, не соответствующие объективному положению вещей»?

Это напечатано в журнале «Под знаменем марксизма» в № 6 за 1926 г., на 67 странице. И дальше: «Представление бога соответствует объективным процессам».

Гм! «Процессам»... Сказано «темно и вяло». Но в общем ясно, что страшная путаница.

Сколько веков ведется в философии спор о «критериях истины» и пр.! Все стерто одним росчерком пера.

В чем заключается объективность истины, по Богданову? — В общезначимости ее.

В чем заключается объективность истины, по Марксу? — В соответствии наших представлений с независимо от нашего сознания объективно существующим бытием.

Все это смазал т. Сарабьянов. По его убеждению представления о существовании ведьм и о существовании женщин с живой горячей кровью в жилах являются, с одной стороны, одинаково «субъективной истиной» («всякая истина — субъек-

тивна»), с другой стороны — оба представления «соответствуют объективному положению вещей».

Стоит ли доказывать, что это нелепость? Стоит ли доказывать, что это «богдановщина» чистойшей воды?

Так-то «поправляется» т. Сарабьянов — из кулька в рогожку.

И при этом он уверяет, что Ленин стоял на такой же позиции, как и он!

А вопрос об «условности» качеств, вопрос о том, что разница между живым и мертвым, бородатым и безбородым и т. д. «условна»! Опроверг ли т. Сарабьянов мое бесспорное утверждение, что все эти его штуки — это богдановщина, это куцое кантианство, подкрашенное «марксизмом»? Ничуть он этого не опроверг.

Он жалуется, что на него «вешают собак». Не на него вешают, а сам т. Сарабьянов обвешивается старыми облезлыми лохмотьями из обрывков махистской философии. Пусть о философии т. Сарабьянова судят не по моим статьям, а хотя бы по одной его собственной последней статье — при внимательном отношении результат для марксиста будет тот же.

Я в своих статьях даю только подлинный портрет философской системы т. Сарабьянова. Ему не нравится — что подделашь. «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

ИЗД-ВО МК В КП (б) и МОССОВЕТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7, Телефон 5-20-57
Ленинград, Проспект Володарского, 53-а Тел. 2-28-56

КНИГИ по ФИЛОСОФИИ

АГОЛ, И.—Витализм, механический материализм и марксизм. 222 стр. 1 р. 75 к.

Полемическая работа, составленная в значительной части из статей, печатавшихся в журнале «Под знаменем марксизма». Автор анализирует положение неовитализма (гл. обр., по работе Дриша и Рейнке), стремясь установить связь между методологией неовитализма и механистического материализма. Содерж.: Организм как целостность. Проблема целесообразности. Количество и качество. Прерывистость развития. Против ревизии диалектического материализма (ответ Степанову) и др.

АЛЬТЕР, И. М.—Философия Гольбаха. 281 стр. 3 р. 50 к. (Труды Ин-та красной профессуры, Секция философии. Под общ. ред. А. М. Деборина).

Биография. Философия Гольбаха, как проявление самосознания поднимающейся крупной буржуазии во Франции XVIII века. Догматический характер его материализма, чуждый идее диалектического развития. Этика, политика и религия по Гольбаху. Значение его философии для современности. Библиография.

ГЕЛЬВЕЦКИЙ.—Истинный смысл системы природы. Перев. с франц. И. Луппола, под ред. А. М. Деборина. 163 стр. 5 коп.

ДЕБОРИН, А.—Книга для чтения по истории философии. В 2 томах. Т. I. 446 стр. 2 руб. 30 коп.

Книга предоставляет собой хрестоматию по истории философии, первый том которой охватывает античную философию, философию эпохи Возрождения, материализм в Англии XVII и XVIII веков и социальную философию XVIII века.

ОДИН РУБЛЬ

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, Центр, Кузнецкий Мост, 7.
ЛЕНИНГРАД, Проспект Володарского, 53-а.